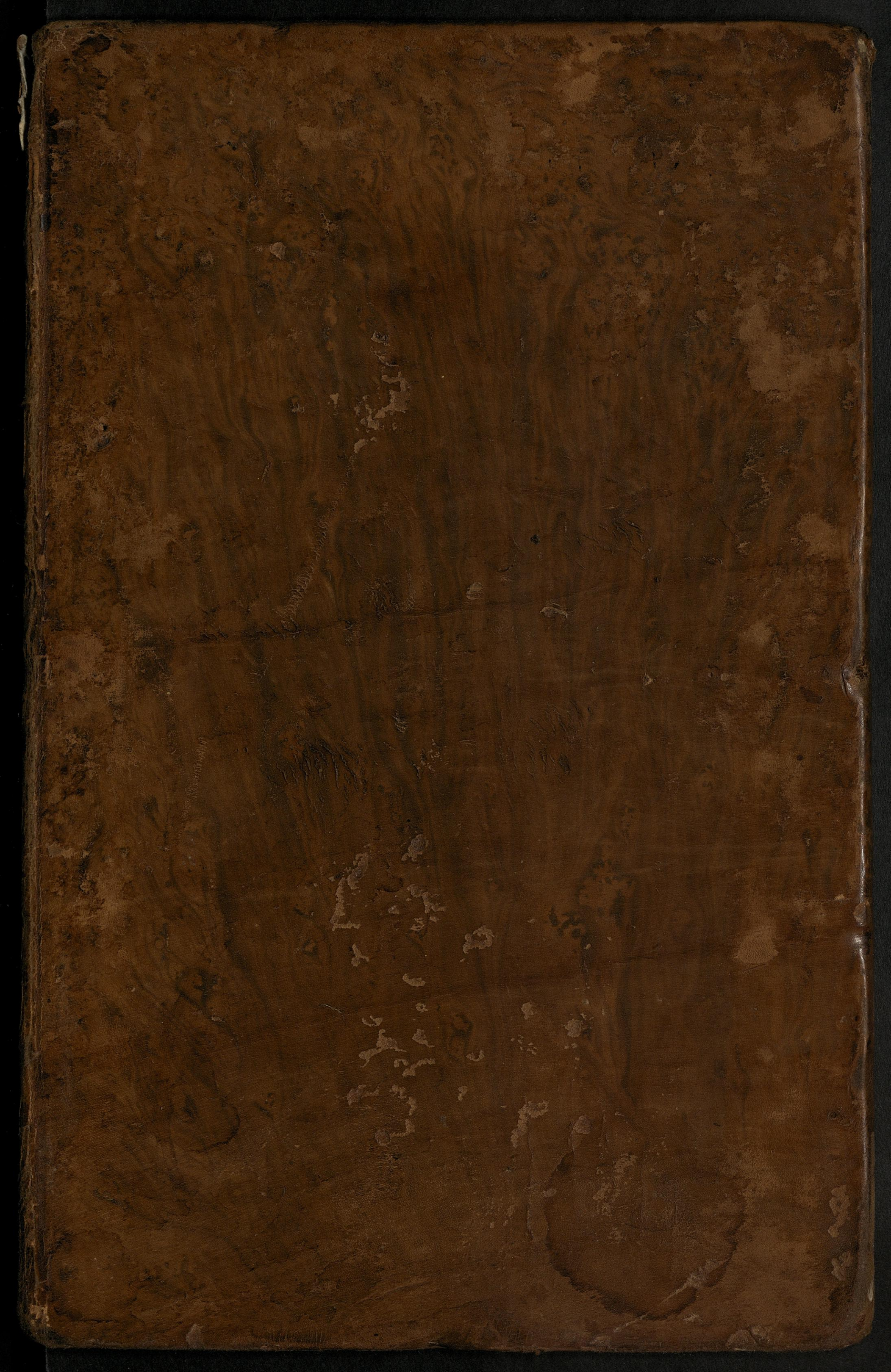
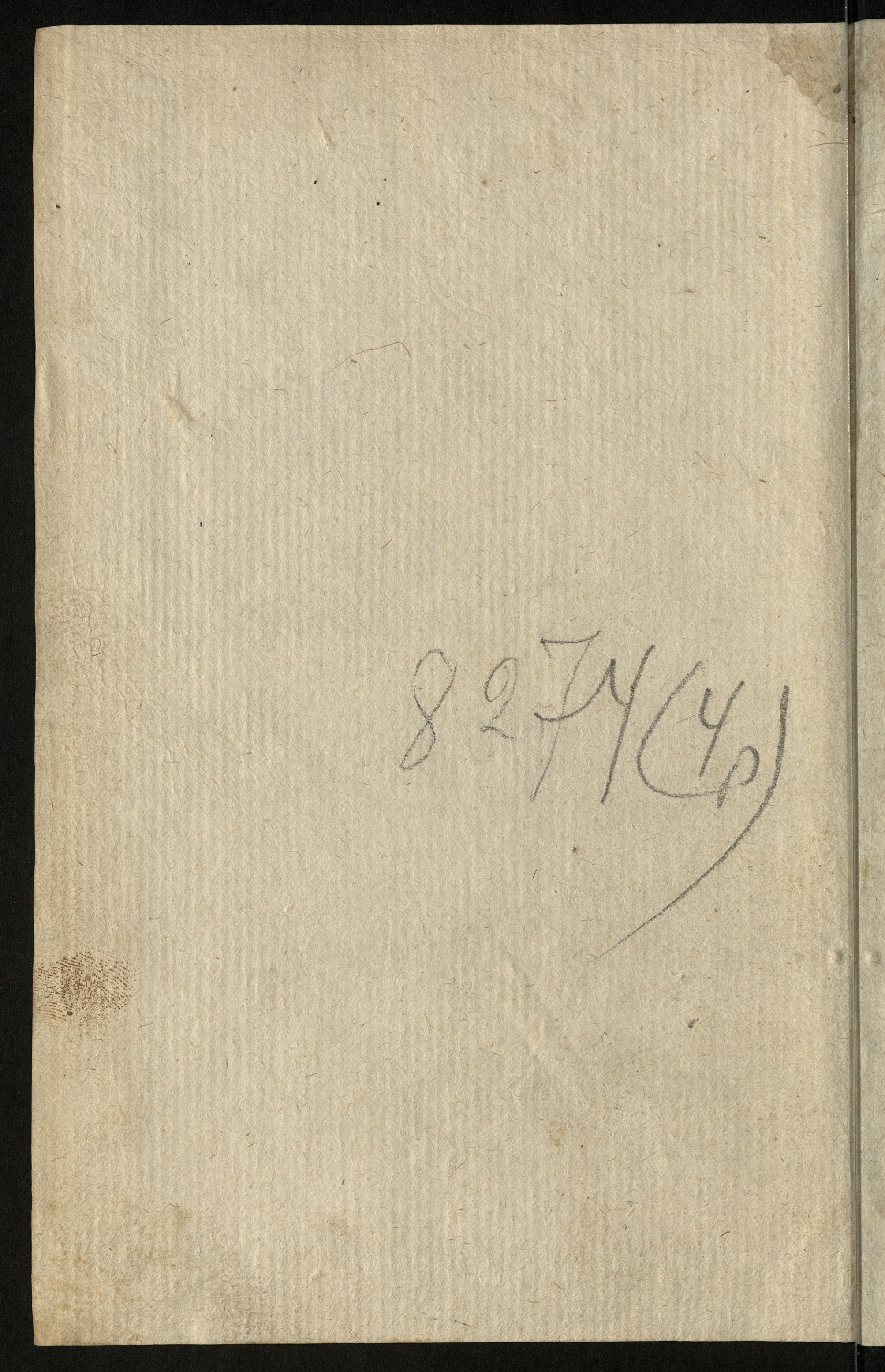

8274 (4p)

ЗЛАТОЙ ВѢКЪ ДАФНИСА,

ИЛИ

ПРИРОДНАЯ ЛЮБОВЬ *ПАСТУХА И ПАСТУШКИ*,

основанная

на

самой чистой сельской добродѣтели.

Переведено

съ Французскаго Языка

изъ сочиненій

Господина Геснера.

Изданіе Второе.

МОСКВА,

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,

1788.

Me juvet in gremio doctae legisse puellae,
Auribus & puris scripta probasse mea.
Haec vbi contigerint, populi confusa valeto
Fabula; nam domina judice tutus ero.
Propetius lib. II.

Въ объятіяхъ дѣвы мнѣ ученой честь полезно,
И весело внимать твореніе любезно.
Коль сбудется сіе, всѣхъ презрю я хулу;
Ученая отдастъ правдиву мнѣ хвалу.
Проперція изъ книги 2.

Государь мой!

Какъ Вы можете теперь остаться въ городѣ, теперь, когда лишь только весна наступила? Вы не хотите видѣть цвѣтущія дерева и луга украшающіеся? Пріѣзжайте къ намъ въ деревню: вы найдете въ ней весну и меня. Естьли Вы не пріѣдете, то я Вамъ желаю всякаго благополучія; да и желанія моего половина уже совершилась. Госпожа N. сказала мнѣ, что Вы сочинили книжку, названную Дафнисъ, *и мнѣ, Государь мой! вѣдать* сего *не должно. Между прочимъ Вы довольно знаете величайшее мое удовольствіе, которое нахожу я въ послѣдней Вашей пѣснѣ; я ее пою всегда. Какой вздоръ! сказала мнѣ госпожа Д * * * вы поете всегда одну пѣсню, какъ скворецъ господина* В***. *Я ее пѣла недавно въ лугахъ при сіяніи луны, и ею очень плѣнилась.*

Тогда же и солопей пѣть началъ, и хотя я съ удопольстпіемъ слушала сама себя, однакожъ надлежало бы мнѣ перестать. Ежели Вы пъ слѣдующій четпертокъ точно пріѣдете, то я Васъ буду ожидать пъ маленькомъ лѣсочкѣ. Но не забудьте припезти съ собою Дафниса; естьлижъ сего не учините, то я болѣе по псю мою жизнь не буду

Вашею подругою.

Госу-

Государыня моя!

Кто может Вам не повиноваться, слыша от Вас такія угрозы? Вот Дафнис, да уже и напечатанной. Не надобно лучше сего посвященія, которое служит на письмо Ваше ответом. Кому другому можно было мне посвятить его, кром Вас? Сверьх того служит он к Вашему удовольствію; но и самая выгода, которую я имею, принадлежит также Вам (я опустил слово), Вам одной я оным обязан, естьли в нем найдете любовь, изображенную по природе. Я думая о Филлиде, думал о Вас, а сам был Дафнис. Щастливое для меня изобретеніе к сочиненію сего маленькаго романа! Он был мне всегда пріятным мечтаніем, которое несколько раз делало отсутствіе Ваше сносным. Но какое пріятное удивленіе, самаго себя и Вас по-

потерять во снѣ и чувствовать оное пробудившись!

Госпожу N. не можно унять отъ пустословія; я ее просилъ отъ всего моего сердца, чтобъ она ничего Вамъ не сказывала; я бы сего не могъ таить чрезъ долгое время: а прочитавши Вамъ, что сего сочиненія творецъ я, не сказалъ бы до тѣхъ поръ, доколѣвъ не узналъ, какъ бы Вы о немъ судить безпристрастно стали; а чрезъ то узналъ бы я также мнѣніе и всѣхъ знатоковъ.

Послѣ завтра, какое восхищеніе! послѣ завтра, говорю я, буду близъ Васъ въ лѣсочкѣ, въ которомъ увижу Васъ и весну. Но вспомните, сударыня, что посвятительное письмо по крайней мѣрѣ стоитъ ста поцѣлуевъ. Прощайте; я есмь . . .

ДАФНИСЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

На берегахъ Неата (*), которая истекаетъ изъ горъ Клибана и пробѣгаетъ съ журчанiемъ сквозь зеленые луга и извивающiяся долины, похищая съ стремленiемъ и землю и дерева. Пастушки имѣли небольшой Нимфамъ посвященной островъ, которой высокiе кедры и маслины тѣнiю своею покрывали. Въ срединѣ сего острова находилась пещера для Нимфъ, высѣченная въ одномъ дикомъ камнѣ. Въ ней на тополевыхъ деревахъ съ особеннымъ искусствомъ вырѣзаны были ихъ статуи, держащiя въ рукахъ сосуды съ возложенными на главы ихъ вѣнками. Онѣ казались прохаживающимися подъ деревьями съ зелеными власами, или плавающими во всѣхъ сторо-

(*) Неатъ рѣка, находящаяся между Кротономъ и Петилiею, и впадающая въ Iоническое море.

ронахъ по берегу съ особенною легкостію, оттуда выходящими на оной камень и при восхожденіи солнечномъ усыпающими. Волны съ журчаніемъ, пріятнѣйшимъ согласныхъ пѣсней, тихо колебаясь, ударялись объ корни ивъ по берегу насажденныхъ.

При наступленіи каждыя новыя весны пастухи и пастушки съ обоихъ береговъ приносятъ Нимфамъ цвѣты съ древъ, изображающихъ сводъ надъ рѣкою, и цвѣты, родящіеся на берегахъ водныхъ, прося о укрощеніи волнъ, чтобъ не потопляли ихъ земли и не похищали дерева плодоносныя.

Нѣкогда въ пріятной весенній день съ обоихъ береговъ всѣ ботики переправились къ острову. Зеленыя вѣтви благоуханныхъ древъ и цвѣтовъ на поверхности каждаго изображали сводъ, покрывающій своею тѣнію пастушковъ и пастушекъ, въ восхищеніи плывущихъ; тамъ по краямъ видны были изъ цвѣтовъ соплетенныя цѣпи, оканчивающіяся превязаніемъ лентъ и украшенныя вѣнками, которыя отъ слабаго дыханія зефира тихо возвѣвались. При семъ пристающіе къ острову присоединяли къ согласнымъ флей-

тамъ

тамЪ свои гласы. Множество младыхЪ юношЪ на брегЪ выходитЪ, а сЪ ними купно выходятЪ и дѣвицы; дѣвицы, подвигшія богинь на зависть, что боги, оставя ихЪ единыхЪ, сошли сЪ Олимпа на облака для зрѣнія пастушекЪ, кои тайно тщились взоровЪ избѣгнуть боговЪ, не могущихЪ рѣшиться, на которой бы изЪ нихЪ можно было остановить свое око; ибо красота ихЪ имѣла различныя прелести вЪ удивленіе приводящія. Иныя привлекали на себя зрѣніе величественнымЪ тѣла своего станомЪ, другія бѣлизною своего лица и возвышенными своими нѣдрами; сЪ одной стороны удивлялЪ видЪ, не уступающій важностію ДіанѢ; сЪ другой улыбка, подобная Венериной; здѣсь младость представлялась на подобіе выходящія изЪ стебля своего и распускающіяся розы, тамЪ зрѣлость подобная той же розѣ, когда уже она совсѣмЪ распустилась. Онѣ, удаляясь отЪ берега, входятЪ по двѣ вЪ священную пещеру и при ногахЪ НимфЪ цвѣты свои разсыпаютЪ; онѣ окружаютЪ ихЪ цѣпями цвѣтовЪ и украшаютЪ ихЪ вѣнками. Младыя Филлиды рядЪ коснулся; она приближается для принесенія цвѣтовЪ и вѣн-

ковъ; она прекрасна была, какъ самыя Грацiи; радость и невинность, начертанныя на ея маленькомъ личикѣ, и изображающiяся при всякомъ ея движенiи, показывали невѣроятную прiятность; черныя очи, робѣющiя отъ присутствiя другихъ, кавали усмѣшку каждому взору, предстоящему ея окрестъ, и сiя непобѣдимая усмѣшка не меньше торжествовала, сколько торжествуетъ и любовь. Такова младая роза, прекраснѣйшая изъ всѣхъ цвѣтовъ, родящихся окрестъ ея въ лугахъ, покрытыхъ нѣжною зеленью. Пчела летаетъ туда и сюда: въ сомнѣнiи ея всѣ цвѣты другъ предъ другомъ къ себѣ привлекаютъ; она усматриваетъ розу, и ничего больше не ищетъ, нападая на оную.

Дафнисъ, прекраснѣйшiй изъ всѣхъ тамъ бывшихъ, задумчивымъ окомъ пробѣгаетъ все множество младостiю цвѣтущихъ дѣвицъ; онъ зрѣлъ тысящи взоровъ на себя устремленныхъ; обратившiя на него свои очи и представлявшiя свое лице съ большею усмѣшкою, показывали говорящими себя въ его уши. Онъ, увидя Филлиду, испускаетъ тяжкой вздохъ; лице его краснѣетъ, очи его на ней останавливаются; она усмотря его, потупляетъ

ляетЪ свои очи и отвращаетЪ свое лице всего стыдящееся. ДафнисЪ цѣпенѣетЪ, сердце его трепещетЪ; онЪ взираетЪ на нее робко, страшится во множествѣ другихЪ дѣвицЪ потерять ее; но она обращается вЪ глазахЪ его безпрестанно. Она стояла, не говоря сЪ другими дѣвицами ни одного слова; она имѣла потупленныя очи, какЪ бы вЪ великой задумчивости, и послѣ сего сЪ живностію бросила она на Дафниса взорЪ свой. На семЪ торжественномЪ праздникѣ была дѣвица взрослѣе Филлиды, которая часто наперedЪ Филлиды выходила; но какЪ скоро она отЪ нее отдалялась, ДафнисЪ сему смѣялся и взиралЪ на Филлиду сЪ превеличайшимЪ пламенемЪ. Подобно сему смѣются луга, когда луна выходитЪ изЪ облаковЪ.

Уже всѣ цвѣты передЪ ногами НимфЪ разсыпаны были, и пастушки уже увѣнчали ихЪ вѣнками, когда пастухи и пастушки, раздѣлившись на равные хоры, построились одинЪ противЪ другаго. ДафнисЪ сталЪ противЪ Филлиды, и пастушки начали пѣть, каждой хорЪ перемѣняя другой, вЪ честь НимфамЪ священныя пѣсни:

 „Ни-

„Нимфы, обитающія въ пещерахъ „рѣки (такимъ образомъ онѣ начали), и „вы другія Нимфы, дающія теченіе вол-„намъ съ журчаніемъ! будите милостивы, „и благопріятствуйте пастушкамъ оби-„тающимъ на брегахъ сихъ водъ.

„Мы во время прекрасныя весны уса-„димъ брегъ вашъ цвѣтущими древами; „мы, нарвавши цвѣтовъ, растущихъ при „брегѣ, принесемъ оные въ священную „пещеру вашу. О Нимфы сея рѣки и вы-„сокихъ горъ!

„Удостойте своея милости пастуш-„ковъ, обитающихъ на брегахъ сихъ водъ! „не попустите волнамъ похищать плодо-„носныя дерева; сотворите, да не по-„топляютъ оныя полей и луговъ. Та-„кимъ образомъ по долготѣ сего брега „могутъ пастися стада наши, и вы мо-„жете прохлаждаться подъ тѣнію на „брегу и цвѣтахъ.„

Симъ образомъ хоры дѣвицъ возвы-шали свои гласы, и пастушки къ ихъ свя-щенному пѣнію согласныя свои присоеди-няли флейты. Но Дафнисъ, прилѣжно внимая пѣнію Филлиды, забылъ играть на своей флейтѣ.

Луна, приближавшаяся чрезъ верьхи отдаленныхъ горъ, показывала пастухамъ и пастушкамъ время возвращенія въ ихъ ботики. Филлида также съ прочими удалилась, взирая на Дафниса, и при вечернемъ свѣтѣ довольно имѣла отважности обозрѣть его со вниманіемъ. Она возвращается на брегъ медленно, и озирается испуская тяжкіе вздохи. Дафнисъ, стоя конечно забылъ бы войти въ ботикъ, естьли бы его изъ задумчивости не вывели другіе. Онъ, вошедъ въ оной сѣлъ; но безпрестанно слѣдовалъ за плывущими на другую сторону ботиками печальнымъ окомъ. Все было исполнено радости и веселія; со всѣхъ сторонъ слышно было восхитительное согласіе пѣсней и флейтъ, которыя эхо на всѣхъ холмахъ съ пріятностію повторяло. Пастухи и пастушки, съ Дафнисомъ на одномъ ботикѣ плывшія, смѣялись, играли и пѣли. Одинъ Дафнисъ въ глубокомъ былъ молчаніи; онъ взиралъ на другую сторону, его не слышно было поющаго; какъ только когда другіе пастушки пѣли нѣжностію наполненную пѣсню, то онъ также тогда выражалъ слова поражающія сердце.

А вышедъ на берегъ, въ крайней печали пошелъ прямо къ своему шалашу. Вошедъ въ оной, подошелъ къ престарѣлому своему отцу, которой о возвращенiи своего сына исполненъ будучи радости, смѣялся и вопрошалъ его о новостяхъ, случившихся при торжественномъ ономъ праздникѣ; послѣ того родитель его разсказывалъ, сколько онъ разъ видѣлъ, какъ сiя свирѣпая рѣка, отрывая берега купно съ деревьями, обремененными презрѣлыми плодами, ярящимися волнами похищала оныя; онъ ему повторялъ о неоднократномъ разбитiи пастушескихъ ботиковъ. Дафнисъ, выслушавъ съ молчанiемъ и вышедъ изъ шалаша, сѣлъ подъ деревьями, дѣлающими предъ сѣнiю аллею, и при пасмурномъ сiянiи луны разсматривая всѣ окружающiе его предметы; наконецъ, впадая въ печаль горчайшую, сдѣлавшись печальнымъ, изпускаетъ тяжкiе вздохи.

Въ какомъ я нахожусь состоянiи! сказалъ онъ тихо; что я чувствую? Для чего не могъ я свести съ тебя моихъ взоровъ? Откуда во мнѣ сiе безпокойство послѣ твоего отсутствiя? Откуда мною ощущаемой сей трепетъ?

Отъ

Отъ того ли, что я люблю? Ахъ! я люблю. Обожаемая дѣвица! для чего ты безпрестанно обращаешься въ моихъ мысляхъ? Увы! я безпрестанно тебя вижу; да, я еще вижу черные твои волосы, изъ которыхъ одна половина въ вѣнокъ заплетена, а другая распустившись и около твоихъ рукъ, рукъ, бѣлизною подобныхъ снѣгу, обвившись, покрываетъ твои груди; сіи нѣжныя груди... сіи груди... И твои черные глаза, глаза, причинившіе мнѣ столько безпокойствія въ то время, когда они другаго кого нибудь изъ пастушковъ можетъ быть приводили въ смѣхъ; сіи взоры, проникшіе всею силою во глубину души моея, когда они, встрѣчаясь со мною, дѣлали пріятную улыбку. Ахъ! я тебя люблю. Увы! естьли ты меня равномѣрно любишь! Часто взоры наши между собою встрѣчались, и ты лобызала меня своими очами, какъ и я тебя своими. Ахъ! естьли ты меня любишь столько же! Но гдѣ ты? Увы! можетъ быть въ далечайшемъ отъ меня разстояніи. Твой образъ безпрестанно имѣть буду предъ глазами; онъ со мною будетъ, когда я спать и когда пробужаться стану; онъ спутешество-

вать будетъ при провожаніи моего стада и по всѣмъ мѣстамъ за мною последуетъ, на брегъ источника и въ лѣса; но увы! можетъ быть безъ всякой пользы прекрасное твое лице воображать буду.

Дафнисъ по произнесеніи сихъ словъ оперся на пень, и поднявши свои очи вверьхъ, узрѣлъ луну въ пріятнѣйшей тишинѣ, а узрѣвъ вздохнулъ и сказалъ: такія и я зрѣлъ въ моей любезной пріятности; она столько же прекрасна, сколько ты, блистающая луна; она столько же прекрасна въ сравненіи другихъ пастушекъ, сколько ты въ разсужденіи другихъ свѣтилъ, окрестъ тебя блистающихъ... Сказавши сіе, въ глубокое впалъ онъ молчаніе, и после того трепеталъ, воздыхалъ и говорилъ до тѣхъ поръ, какъ наконецъ сонъ принуждалъ его возвратитьсь въ свой шалашъ. Ему представлялося во снѣ не иное что, какъ только образъ Филлиды: онъ пробуждается и хочетъ ее обнять; но обманувшіяся его руки съ воздыханіемъ обнимали только пустую тѣнь. Не слышно уже отъ него тѣхъ пѣсенъ, которыми Аврора была провождаема. Онъ изъ своего шалаша выходитъ въ молчаніи,

сле-

слѣдуетъ въ задумчивости за маленькимъ своимъ на паству гонящимся стадомъ; сыскиваетъ тамъ другихъ пастушковъ, наполненныхъ веселія и взаимно другъ друга вопрошающихъ о произшествіяхъ, случившихся на праздникѣ, посвященномъ Нимфамъ. Одинъ показываетъ подаренную ему дѣвицею ленту, другой вѣнокъ, которой возложенъ былъ на него пастушкою; сей показывалъ цвѣты, взятые отъ груди своея пастушки. Сія пѣла новую пѣсню, перенятую отъ другой дѣвицы на ботикѣ. Дафнисъ то слушая, то не внимая ихъ разговоровъ, съ болѣзненнымъ и прискорбнымъ духомъ сказалъ имъ, что онъ видѣлъ прекраснѣйшую дѣвицу. Онѣ сіе услышавъ и довольно смѣявшись сказали: ты любишь сію дѣвицу, Дафнисъ! Онъ хотѣлъ утаиться, но пастухи довольно усматриваютъ изъ его лица; онъ краснѣетъ, и тѣмъ къ большему побуждаетъ ихъ смѣху.

Между тѣмъ его любовь всякой день усиливалась; общество пастушковъ сдѣлалось ему непріятно; онъ со своимъ стадомъ отдаляется по долготѣ источниковъ, которыхъ сладостное журчаніе проникало густоту кустарника. Вскорѣ

послѣ

послѣ сего не находитъ онъ пріятности и въ оныхъ; онъ входитъ въ лѣса на сей сторонѣ берега стоящіе, и взирая на другую сторону, началъ плакать о своемъ съ пастушкою разлученіи. Подобно голубю воркуетъ, жалуяся и летая съ болѣзнію около дерева, подъ которымъ поселянинъ застрѣлилъ его голубку. Дафниса не было между другими пастушками; они его всѣ любили; гдѣ Дафнисъ? говорили они; съ того самаго времени, какъ насъ онъ оставилъ, нѣтъ у насъ больше веселія; онъ усугублялъ наши забавы, онъ всѣхъ пастуховъ былъ забавнѣе, онъ зналъ много пѣсенъ и всѣхъ лучше игралъ на флейтѣ. Равнымъ образомъ и пастушки спрашивали: гдѣ Дафнисъ? Но когда слышали онѣ о его любви, многія между ими оскорблялись.

Дафнисъ, печаленъ будучи, часто сиживалъ на берегу источника, или въ лѣсу тѣнистомъ; его присутствіемъ тамъ все оживотворялось; онъ сіи мѣста оставлялъ только тогда, когда принуждалъ его сонъ, въ которомъ видѣлъ онъ свою пастушку; онъ объявлялъ ей свою любовь, она краснѣла; онъ жалъ ея руку и оную цѣловалъ; она хотѣла отъ него

уйти,

уйти, но онъ обнималъ ея колѣни; онъ плакалъ, она воздыхала и смѣялась; она подлѣ него садилась, онъ безпрестанно ее обнималъ; она его цѣловала, и когда хотѣлъ онъ прижать ее къ своей груди, то онъ, увы! чувствовалъ, что его пастушка въ дальнемъ находится отъ него разстояніи: тогда приходило ему на мысль, что можетъ быть онъ никогда ее не сыщетъ; онъ трепещетъ отъ страху, и слезы изъ глазъ его льются ручьями. Въ семъ изступленіи сыскиваетъ онъ ботикъ, переходитъ на другой берегъ, ищетъ свою пастушку, перебѣгаетъ всѣ холмы острымъ и безпокойнымъ окомъ, заблуждаетъ по лугамъ и по долготѣ источниковъ, и наконецъ всегда возвращается безъ утѣшенія. И такъ я вотще искать тебя буду? вскричалъ онъ тогда; во вѣки тщетно я перебѣгать буду всѣ долины, всѣ лѣса, искать по всей долготѣ источниковъ. О боги! какое щастіе, когда я тебя сыщу! и когда заключу тебя въ свои объятія, тогда я обомру отъ радости.

Какое древо скрываетъ тебя подъ своею тѣнію, прекраснѣйшая изъ всѣхъ дѣвицъ? часто онъ думывалъ; какой пріят-

ятной вѣтерЪ теперь тебя прохлаждаетЪ? какой зефирЪ играетЪ вЪ твоихЪ волосахЪ прекрасныхЪ? Не покоишься ли ты близь какого источника? Увы! теките, теките покойно источники, и вы волны, не возмущайте ея сновидѣнія. Увы! естьли она обо мнѣ мечтаетЪ ... — Но естьли представляется ей какой нибудь другой пастухЪ, теките воды сЪ превеличайшимЪ шумомЪ. О боги! естьли ей видится кто нибудь другой, естьли она любитЪ кого нибудь другаго, естьли ея нѣжныя руки обнимаютЪ другаго, естьли другой цѣлуетЪ ея прекрасныя щоки: увы! что со мною будетЪ? О боги! что тогда буду дѣлать? Увы! я предамся бѣгству, я заключу себя вЪ какую нибудь пещеру, и послѣ... увы! и послѣ умру безЪ утѣшенія.

КупидонЪ уже истощилЪ всѣ свои силы вЪ собираніи плодовЪ; все тогда было вЪ безмѣрномЪ веселіи, одинЪ только ДафнисЪ никакой не могЪ ощущать радости. Загорѣлые отЪ солнца жители, вызванные зрѣлыми класами на поля, шли, воспѣвая пріятныя пѣсни, и ДафнисЪ также вспомоществовалЪ онымЪ; поелику вЪ сіе время стада паслись малымЪ

нымъ пастуховъ количествомъ. Они блестящими своими серпами класы пожинали рядомъ, другіе вязали снопы; въ полдень и ввечеру для отдохновенія и принятія пищи они соединялись подъ тѣнію какого нибудь вблизи находящагося дерева, и жажду свою утоляли какимъ нибудь прохладительнымъ напиткомъ; а послѣ того, опоражнивая большіе курганы, въ честь Церерѣ пѣли похвальныя пѣсни. Жатели съ вязавшими снопы сидѣли порядкомъ одинъ противъ другаго и всѣ вмѣстѣ пѣли:

„Ты, класами увѣнчавающаяся Церера! „мы благодаримъ тебя за изобиліе жат„вы, о которой мы веселимся.„ Послѣ того тѣ, которыя снопы вязали, пѣли слѣдующимъ образомъ: „Неутомимые жа„тели! не ослабѣвайте отъ блестящихъ „вашихъ серповъ, и не приводите въ „уныніе вязателей во время праздности.„ А жнецы такимъ образомъ пѣли: „И вы, „прохладные вѣтры! жателей отъ полей „не отдаляйте; вѣйте для прохлажде„нія нашего и для утоленія лѣтняго жа„ра.„ Тѣ, которые вязали снопы, пѣли: „Зеленовидные, окрестъ насъ летающіе „кузнечики! да возбуждаютъ насъ сво-

„имъ

„ имъ проницательнымъ крикомъ; и ты „ курганъ! да не оскудѣваешь во время „ сего лѣтняго жара.„ Послѣ того порядокъ жателей поетъ вмѣстѣ: „ Прохладный вѣтеръ! прежде нежели ты возвратишься, можемъ ли пожать и опустошить поля обремененныя нивами, и мы „ съ оставшихся пустыхъ стеблей можемъ ли возвратиться съ пѣніемъ въ „ домы наши?„ И послѣ того поютъ они вмѣстѣ: „ Ты, увѣнчавающаяся класами „ Церера! мы благодаримъ тебя за изобиліе жатвы, о которой мы веселимся.„

Такимъ образомъ жатели пѣли, и послѣ того къ Дафнису они говорили: ты въ задумчивости находишься Дафнисъ! ты съ нами не поешь! Но Дафнисъ воздыхая, не говорилъ ни одного слова.

Поля не прежде опустошены были отъ своихъ плодовъ, какъ земледѣльцы паки начали воздѣлывать землю; и какъ въ сіе время пастухи пасли свои стада, то нѣкогда Дафнисъ, сидя на берегу рѣки, слышитъ вдали столь согласно двѣ играющія флейты, что еще такого согласія никогда не слыхивалъ. Нѣжное удовольствіе обладало его чувствами, и чѣмъ бли-

ближе подходилъ онъ къ симъ пріятнымъ тонамъ, тѣмъ болѣе ощущалъ онъ сладости; сердце у него трепетало и производилось въ немъ сладостное предчувствованіе; его овечки также слушая позабыли свою паству; птицы на древахъ молчали, онѣ также слушали; всѣ окружающіе предметы въ сладкомъ молчаніи внимали столь согласному игранію; между тѣмъ, какъ Дафнисъ занятъ былъ столько же внятнымъ слушаніемъ, малое дитя, играя на двѣ флейты, къ нему приближалось. Онъ имѣлъ пріятности распускающіяся розы; нѣжное и блестящее тѣло ничѣмъ не было у него покрыто; его круглыя и бѣлизною снѣгу подобныя руки были наги; его маленькое личико имѣло пріятность Грацій, и позлащенные на главѣ его власы и распущенные украшены были розами.

Дитя приближается къ Дафнису, пронзенному пріятнымъ хладомъ. Пастухъ! сказало ему дитя, переправь меня за рѣку. Дафнисъ отвязываетъ ботикъ; дитя въ оной входитъ. Волны, прежде сего съ яростію колебавшія ботикъ, спокойное принявши теченіе, какъ бы для цѣлованія окружали оной и отдалялись

съ пріятнымъ журчаніемъ. Они рѣку переѣхали въ скорости; послѣ чего дитя выскочивъ на брегъ, пастухъ! сказало оно Дафнису: я Купидонъ, богъ любви; ступай туда, гдѣ сей источникъ произтекаетъ сквозь лѣсокъ, проникни его до вершины: сіе будетъ наградою твоего труда.

Купидонъ, сказавши сіе, сдѣлался невидимъ, и вдругъ на мѣстѣ томъ, гдѣ онъ сокрылся, разцвѣла роза. Дафнисъ трепеталъ и стоялъ обьятъ будучи страхомъ; онъ немедленно оставляетъ сіе священное мѣсто; онъ бѣжитъ къ источнику; онъ проницаетъ сквозь лѣсокъ, будучи въ смятеніи и восторгѣ. Увы! естьли я тебя сыщу Филлида! сказалъ онъ самъ себѣ; увы! . . . . Какой награды отъ Купидона ожидать буду? Но я мечтаю! Ахъ! естьли я сыщу Филлиду! вотъ что онъ говорилъ, отводя съ поспѣшностію находящіяся передъ нимъ и между собою сплетшіяся вѣтви лѣса. Наконецъ онъ приходитъ на одно мѣсто, гдѣ съ обѣихъ сторонъ былъ открытой проходъ, дѣлающій небольшую долину, испещренную цвѣтами и орошаемую изъ источника, которой тамъ разливался, извиваясь различными кривизнами.

Даф-

Дафнисъ не долго разсуждалъ о окружающихъ его предметахъ; онъ усматриваетъ Филлиду, лежащую у источника, одною рукою подперщуюся и простерщую отъ болѣзни. Увы! естьли бы онъ былъ здѣсь, сказала она сама себѣ; естьли бы онъ былъ теперь, я бы главу его симъ вѣнкомъ увѣнчала. Увы! я бы ему сказала, что я его люблю; но гдѣ онъ? Увы! въ дальнемъ отъ меня разстоянiи; его здѣсь нѣтъ, но въ отдаленiи отъ меня онъ находится; я разорву сей вѣнокъ: она разорвала его и въ самомъ дѣлѣ и изпустила изъ очей своихъ слезы; послѣ сего слышитъ она нѣкого сквозь лѣсъ идущаго; она бросаетъ туда взоръ свой и усматриваетъ Дафниса. О боги! вскричала она, и немедленно съ земли вскочила. Дафнисъ тамъ стоялъ весь въ смятенiи и трепетѣ какъ укоренившееся дерево; но онъ вдругъ къ ней летитъ, а Филлида удаляется; онъ беретъ ее за руку, она изпускаетъ слезы; онъ цѣлуетъ сiю прекрасную руку и орошаетъ своими слезами, воздыхаетъ и не можетъ выговорить слова; онъ на нее взираетъ наполненными слезъ очами; сердце его съ неизъяснимымъ восторгомъ,

въ которомъ оно было, изображалось въ семъ взглядѣ. Филлида видѣла все происходившее; сердце ея трепетало; она извлекаетъ изъ своего младаго и дрожащаго сердца глубокіе вздохи, и слезы текли изъ ея прекрасныхъ очей. Филлида! вскричалъ онъ, и падаетъ, обезсиленъ будучи, съ нею на цвѣты; Филлида! . . . Ахъ! . . . я не въ силахъ перенести восторгъ сей. Дафнисъ! за нимъ вскричала она. Ахъ! . . — Дафнисъ . . . После сего онъ молчитъ и воздыхаетъ. Ахъ, Филлида! вскричалъ Дафнисъ, сколько я терпѣлъ безпокойства послѣ того, какъ тебя увидѣлъ. Увы! я всегда тебя видѣлъ; ты мнѣ представлялась въ лугахъ, я зрѣлъ тебя въ лѣсу, я видѣлъ тебя во время моего сна, тебя видѣлъ и пробужаясь; естьли ты меня любишь, то я хочу съ богами сравниться. Дафнисъ! сказала она воздыхая, и потупляетъ свои очи; увы! что я тебя люблю, вскричала она, и лишась силъ падаетъ въ его объятія. Тогда Дафнисъ, цѣлуя ея щоку, цѣлуетъ вмѣстѣ и слезы текущія изъ ея очей; онъ ее заключаетъ въ свои объятія и не можетъ произнести ни полуслова. Они пребыли оба долгое время безгласны; она прижалась

лась къ Дафнисовой груди, обнимая одну трепещущую его руку. Но скоро сіе толь сильное смятеніе перемѣнилось въ пріятные восторги; такъ по утишеніи непогоды и по укрощеніи бурь розы и гвоздики находятся еще въ движеніи; но скоро послѣ успокоеваются и наполняютъ воздухъ, покойны будучи, благовоннымъ запахомъ; зефиры возвращаются играть около сихъ цвѣтовъ и ихъ цѣлуютъ. Такимъ образомъ Дафнисъ и Филлида возвратились другъ къ другу; послѣ чего онъ ей разсказывалъ, сколько разъ переходилъ онъ потокъ сей, что онъ искалъ по берегу источника, по холмамъ и долинамъ, и какъ возвращался безъ утѣшенія. Филлида также ему пересказывала, сколько она его полюбила, увидя на праздникѣ, посвященномъ Нимфамъ; сколько разъ ходила она одна воздыхая на берегъ, и сколько разъ плакала близь источниковъ и въ тѣнистыхъ мѣстахъ лѣса! Дафнисъ сказалъ ей и то, какимъ образомъ перевезъ онъ черезъ рѣку Купидона, какъ разцвѣла роза на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сдѣлался невидимъ, и съ какою поспѣшностію полетѣлъ онъ къ источнику.

Такимъ образомъ сидя вмѣстѣ, они разговаривали себя цѣлуя, обнимались и изъяснялись въ своей любви; но какъ скоро примѣтили они, что луна была уже надъ долинами, то обѣщались другъ съ другомъ видѣться близъ источника, гдѣ онъ совершаетъ теченія своего половину. Увы! намъ теперь должно разстаться, сказали они воздыхая и не трогаяся съ своего мѣста. Прости, Дафнисъ! сказала Филлида: прости! должно. . . должно, чтобъ я съ тобою разсталась; послѣ того она его цѣловала; она хочетъ итти, но остается на томъ же мѣстѣ. Увы! должно. . . мнѣ итти, отвѣчалъ Дафнисъ; послѣ того онъ ее обнимаетъ и тысячу разъ цѣлуетъ; потомъ на нѣсколько шаговъ они отдаляются и обратно возвращаются, другъ на друга смотрятъ, отходятъ нѣсколько, и снова цѣловаться начинаютъ. Прости, Филлида! Прости, Дафнисъ! и наконецъ разстаются; но всегда оглядываясь назадъ и дѣлая знаки до тѣхъ поръ, покамѣстъ другъ друга потеряли изъ виду. Дафнисъ обратно приходитъ на берегъ въ возхищеніи; онъ цѣлуетъ розу на мѣстѣ томъ, гдѣ Купидонъ стался невидимымъ; онъ

вхо-

входитЪ вЪ свой ботикЪ и переплываетЪ рѣку сЪ веселіемЪ. ОнЪ поетЪ, и былЪ вЪ толь сладостномЪ удивленіи, что пѣсни его не имѣли силЪ изЪяснить радости своего сердца.

ВотЪ и ДафнисЪ возвратился сЪ веселымЪ видомЪ; онЪ соединяется сЪ пастухами, поетЪ ихЪ пѣсни, играетЪ на флейтѣ и сЪ ними рѣзвится; но полдень не могЪ притти скорѣе вечера, когда онЪ, оставя свое малое стадо и препоруча его одному вѣрному пастуху, садился вЪ ботикЪ и предпринималЪ дорогу кЪ берегамЪ ненаселяемаго источника, чтобЪ тамЪ сыскать дожидавшуюся его всегда свою Филлиду.

ЧѣмЪ болѣе они видѣлись, тѣмЪ болѣе удивлялись своему свиданію, и почитали себя щастливѣе всего свѣта. Они тысячу разЪ разсказывали, сколько они другЪ друга любили; при семЪ каждой изЪ нихЪ вѣрилЪ, что сего не было довольно сказать другому, до чего любовь его доходила. Часто случалось, что ДафнисЪ, сидя на лонѣ Филлиды, другЪ отЪ друга перенимали новыя пѣсни; когда пѣла Филлида, тогда ДафнисЪ сыскивалЪ свою лучшую пѣсню, подобную пѣнію соловья;

и когда Дафнисъ игралъ на флейтѣ, Филлида сомнѣвалась, что Панъ едва ли можетъ играть лучше его. Они часто другъ другу пересказывали исторіи; Дафнисъ повѣствованіе Филлиды слушалъ со вниманіемъ, или забавлялся играніемъ съ петельками, которыя находились около ея груди, и тогда онъ забывалъ порядокъ ея повѣствованія и перерывалъ оныя тысячею поцѣлуевъ. Когдажъ что нибудь пересказывалъ Дафнисъ, тогда Филлида, взявши его за подбородокъ, главу его украшала вѣнкомъ, или кидала на него столь прелестные взоры, что онъ терялъ продолженіе своей исторіи.

Они часто хаживали къ одному розовому кусту, которой ими за вещь священную былъ почитаемъ; они за нужное почитали очищать его отъ паутины и защищать отъ всѣхъ другихъ приключеній; они, поднимая съ земли вѣтви и ставили подъ нихъ подпорки, и въ семъ упражненіи пѣли они въ честь Купидона какую нибудь пѣсню и взаимно обнимались.

Дафнисъ нѣкогда поимавши маленькую птичку, принесъ ее къ Филлидѣ; она

она ей понравилась, и въ награду за сіе подарила ему нѣсколько поцѣлуевъ. Она птичку взяла на руки и держала ея ноги между перстами, которая на ея рукѣ трепеталась; ея крылья были разноцвѣтныя; она прыгала и свистала, какъ бы кого нибудь къ себѣ призывая на помощь; между тѣмъ Филлида ее разсматривала: ты хочешь, улетѣвши на сучокъ дерева, меня оставить? сказала Филлида ей; какъ ты называешься и твои товарищи? Ты хочешь, чтобъ они всѣ собрались ко мнѣ? Чего ты боишься? ты призываешь своего самчика? Ахъ! къ чему она призываетъ своего любезнаго; она жалуется ему на свою судьбину, и можетъ быть сей бѣдной самчикъ и съ своей стороны также ее ищетъ. Ахъ, Дафнисъ! я хочу ее пустить; вотъ что ея сожалѣніе побуждало къ нему говорить! послѣ того она разгибаетъ руку, птичка тотчасъ улетаетъ и съ пѣніемъ перепорхиваетъ съ одной вѣтви на другую. Филлида за нею слѣдуетъ глазами, какъ бы опасаясь, что птичка не можетъ сыскать своего самчика. Дафнисъ, брося взоръ на свою Филлиду и примѣтя, что она печально потупила свои очи, въ смятеніи своемъ упадаетъ въ ея

объятія и ее цѣлуетъ. Филлида изпустивши тяжкой вздохъ, ахъ, Дафнисъ! сказала ему: увы! могу ли я тебя лишиться хотя на одинъ день? Ахъ! есть ли я тебя лишусь, мои нещастія неизъяснимы будутъ; я умру отъ болѣзни! Сіе разсужденіе много тронуло Дафниса.

Нѣкогда будучи они вмѣстѣ, увидѣли себя покрытыхъ облаками, и когда дождь началъ опускаться, тогда они спасались, гоня передъ собою Филлидино стадо, и укрывались въ одномъ покрытомъ гротѣ, котораго путь усланъ былъ плющемъ по земли віющимся; они вошедши въ гротъ, стадо свое оставили у входа. Дафнисъ въ срединѣ сего грота увидѣлъ кипарисъ, подлѣ котораго находился источникъ воды; онъ сему удивясь думалъ, что сей гротъ принадлежалъ какой нибудь Нимфѣ, или какому нибудь божеству; но скоро они послѣ того, взглянувши другъ на друга съ усмѣшкою, увидѣли другаго въ гротѣ пастушка, сидящаго въ кустарникѣ, который былъ около источника; онъ тамъ дѣлалъ пастушескія флейты. Онъ оборотился для ихъ поздравленія: щастливъ да будетъ приходъ вашъ, дорогіе пастушки!

шки! сказалъ онъ имъ; можетъ быть вы желали бы здѣсь лучше быть наединѣ? Не правда ли это, прекрасная молодая пастушка? Купидонъ имѣетъ и часто имѣлъ здѣсь свою забаву съ прохлажденіемъ; но вы, мои дѣти! цѣловаться можете столько, сколько хотите; я не буду къ вамъ оборачиваться . . . Нѣтъ, пастухъ! прервавши рѣчь его съ негодованіемъ, сказала ему Филлида; мы пришли сюда для избѣжанія дождя, и какъ меня цѣловать сей пастухъ станетъ? Тогда Дафнисъ къ нему приближившись сказалъ: ты дѣлаешь флейты? Да, отвѣчалъ пастухъ, да еще и самыя лучшія; никто лучше меня не сдѣлаетъ; весь свѣтъ флейтъ моей работы желаетъ: вчера пастухъ далъ мнѣ двѣ овечки за одну флейту, на которой я пѣсни птицъ и самаго соловья игралъ столь пріятно, что всѣ отдаленнѣйшія птички собирались на вѣтви дерева, подъ которымъ я былъ. Дафнисъ, въ руку взявши одну флейту, я хочу играть пѣсню Клои, сказалъ онъ; а ты, Филлида! пой со мною пѣсню.

Такимъ образомъ Филлида пѣла съ видомъ наполненнымъ веселія и тономъ пріятнѣй-

ятнѣйшимъ самыя флейты: „Черноволосой „пастушокъ, пасущій свое стадо въ доли„нѣ, усажденной буковыми деревами, увы! „когда я прохожу мимо тебя, и когда я „ищу свою овечку, которая никогда не бы„ла потеряна; когда я, будучи украшена „вѣнкомъ, на тебя взглядывала, и когда „я поздравляла тебя съ веселымъ видомъ „и улыбкою: увы! для чего не могъ ты „тогда понять моихъ мыслей? Сего дня „я смотрѣлась въ прозрачную воду; я ки„дала на тебя такіе же взоры, какими „и отъ тебя была провождаема; я имѣ„ла видъ веселой, какой тебѣ обыкно„венно показываю; мои маленькіе губы, „какъ я думаю, имѣли пріятную улыбку, „тебѣ должно было видѣть въ моихъ „черныхъ глазахъ весьма много вещей, о „которыхъ они тебѣ говорили; а ты, бо„язливой пастухъ! ты не хотѣлъ пони„мать моей къ тебѣ склонности. Скажи„те мнѣ вы, драгія Нимфы! скажи и „ты Купидонъ! какимъ образомъ могла я „лучше изъясниться, что я его люблю?„

Ты чрезмѣрно пріятно пѣла сію пѣсню, сказалъ пастухъ Филлидѣ; а тебя Дафнисъ заклинаю Паномъ, что я столь хорошо играть не могу; я дарю тебя

сею

сею флейтою: она стоитъ больше тучнаго еленя; но сыграй еще и сію пѣсню: „Вы, прочія дѣвицы, которыя бываете не-„чувствительны. . . сказалъ онъ Дафнису; сія пѣсня въ старину пѣвалась, и мало сыскать можно такихъ пастуховъ, которые бы оную знали; ее называютъ пѣснію Неата, и называютъ ее по тому, что въ ней содержится исторія въ сей рѣкѣ обитающаго бога; также и гротъ сей называется гротомъ Неата, поелику здѣсь исторія сія происходила. Дафнисъ просилъ его, чтобъ онъ сыгралъ сію пѣсню; тогда пастухъ взялъ флейту и игралъ съ толикою пріятностію, какую оказываетъ соловей во время своего пѣнія. Теперь я тебѣ буду подражать и могу оную играть столько же хорошо, сколько и ты, сказалъ Дафнисъ; я хочу оную играть, а ты только ее пой; они начали, и вотъ что пастухъ пѣлъ:

„Вы, прочія дѣвицы, которыя бывае-„те нечувствительны и въ то самое „время, когда любовь принуждаетъ тре-„петать ваше сердце и нѣжную грудь „вашу воспламеняетъ! послушайте меня, „какъ боги наказали Нимфу, послушай-„те пѣсни Неатовой.

„Не-

„ Неатъ когда плавалъ на своей ло-
„ дочкѣ и волны поднимались съ стремле-
„ ніемъ, тогда онъ, поднявши окроплен-
„ ную свою главу вмѣстѣ и съ сплетен-
„ нымъ изъ розовыхъ цвѣтовъ вѣнкомъ,
„ съ котораго падали капли, и обтирая
„ свои очи, видитъ, видитъ онъ Нимфу,
„ вшедшую въ воду. Какъ ты прекрасна!
„ сказалъ онъ тихо; какъ ты прекрасна!
„ какая бѣлизна на бѣлыхъ твоихъ гру-
„ дяхъ! коль блистающи твои лядвѣи
„ и коль онѣ бѣлы! какъ волны игра-
„ ютъ около твоихъ круглыхъ колѣ-
„ ней! Какъ онѣ покушаются взойти на
„ самую высоту! Ахъ, Нимфа!.. и воздыхая
„ онъ приплываетъ къ берегу. Нимфа
„ видя сіе спасается; она слѣдуетъ съ
„ поспѣшностію какъ елень, она пере-
„ летаетъ чрезъ цвѣты какъ зефиръ;
„ онъ, будучи утомленъ, едва можетъ
„ вскричать: ахъ, Нимфа! для чего ты
„ меня убѣгаешь? Нимфа вбѣгаетъ въ
„ гротъ; увы! для чего она не спаса-
„ лась бѣгствомъ далѣе сквозь лѣса гу-
„ стые?

„ Вы, прочія дѣвицы, которыя бы-
„ ваете нечувствительны и въ то самое
„ время, когда любовь принуждаетъ тре-
„ пе-

„петать серце ваше и нѣжную вашу „грудь воспламеняетъ! послушайте меня, „какъ боги наказали Нимфу, послушайте „пѣсню Неата.

„Неатъ думалъ уже обнять ея нѣж„ное тѣло; помогите мнѣ, о боги! вскри„чала она, претворите меня въ кипа„рисъ. Едва она успѣла сіе выговорить, „то ноги ея въ землѣ окоренились, серд„це ея въ ту же минуту одѣлось корою; „оно, наполнившись страха и ужаса, еще „трепетало; нещастная Нимфа воздычаетъ, и возведши къ небу свои руки, „которыя начали превращаться въ вѣт„ви, о боги! вскричала она, почто толь „скоро услышали мою молитву? Ахъ, Не„атъ! Ахъ, Нимфа! вскричалъ за нею „богъ рѣки сея; когда онъ обнималъ ея „кору, тогда и она покушалась обнять „его своими вѣтвями; но сіе было тщет„но: Нимфа мертвѣетъ и съ кипариса „падаютъ листья. Богъ во своемъ гнѣ„вѣ ударяетъ ногою въ землю, и послѣ „удара, произшедшаго отъ его ноги, на „семъ мѣстѣ изтекаетъ источникъ.

„Вы, прочія дѣвицы, которыя бывае„те нечувствительны и въ то самое „время, когда любовь принуждаетъ тре-

пе-

„ петать сердце ваше и нѣжную вашу „ грудь воспламеняетъ! послушайте ме„ ня, какъ боги наказали Нимфу, послу„ шайте пѣсни Неатовой.„

Такимъ образомъ когда пѣлъ пастухъ, то Дафнисъ съ Филлидою слушали его пѣсню съ возхищеніемъ; что сіе, гротъ ли? кипарисъ ли? и источникъ ли это? спрашивалъ Дафнисъ. Да, отвѣчалъ ему пастухъ, вотъ источникъ и кипарисъ. Мнѣ кажется, сказала Филлида, мнѣ кажется, что во время сея пѣсни листы кипариса съ особеннымъ движеніемъ колебались. При семъ случаѣ казалось имъ, что ночь скорѣе обыкновеннаго приближилась.

Дафнисъ, нѣкогда будучи на берегу источника, не нашелъ тамъ своея Филлиды, и для уменьшенія своея нетерпѣливости забавлялся вырѣзываніемъ своихъ именъ на корѣ деревъ; послѣ чего игралъ перемѣнныя пѣсни; а потомъ, вышедши изъ терпѣнія, взлѣзъ на превысокое дерево, дабы увидѣть, нейдетъ ли его Филлида; наконецъ, сошедъ съ онаго, ходилъ туда и сюда съ удивительнымъ безпокойствомъ. Напослѣдокъ видитъ идущую къ себѣ Филлиду, которая была

безъ

безъ вѣнка, и волосы ея лежали нерадиво разбросаны по плечамъ; она шла, потупивши глаза, тихими и печальными стопами. Дафнисъ, видя ее идущую въ безобразіи, устрашился; блѣдность по его лицу разливается, сердце у него трепещетъ. Онъ идетъ къ ней въ трепетѣ, принимаетъ у нее руку, которая ослабѣвши упала въ ея; словъ у него недоставало, и будучи въ страхѣ, не отважится онъ вопросить о ея нещастіи. Филлида взираетъ на него слабымъ видомъ, окомъ, наполненнымъ нѣжныя болѣзни, отягчаемыя слезами. Увы! Дафнисъ, сказала ему тихо и прерывающимся голосомъ; Дафнисъ... послѣ того она замолчала, и источникъ слезъ изъ ея очей проливался. Дафнисъ, видя сіе, съ трепетомъ вскричалъ: великіе боги! какое нещастіе! . . . Въ моей ли возможности состоитъ твое спасеніе, Филлида? Моя жизнь можетъ ли сохранить твою? Дафнисъ! повторила она; увы! . . . Дафнисъ! требуютъ . . . увы! требуютъ, чтобъ я другаго, а не тебя любила. Дафнисъ по сихъ словахъ объятъ былъ страхомъ на подобіе того человѣка, которой, имѣя подъ ногами камень, въ го-

товности былъ объ оной преткнуться. Хладной потъ оросилъ его лице. Онъ, смотря на Филлиду пристально и лишившись силъ, упалъ на цвѣты. Да, Дафнисъ! продолжала она, требуютъ, чтобъ я любила Ламона, того пастушка, котораго стадами цѣлыя поля покрыты. Увы! требуютъ, чтобъ я сего любила; онъ представляетъ матери моей свои многочисленныя стада и свои пространныя поля; онъ упрашиваетъ меня въ супружество, и, что всего болѣе, Дафнисъ! сія нѣжная мать, которая, полагая удовольствіе въ моемъ согласіи, принимаетъ его представленія за великое щастіе, какое только мнѣ случиться можетъ. Она требуетъ, увы! она требуетъ, чтобъ я его любила. Сказавши сіе, начала она съ Дафнисомъ плакать. Послѣ того она такъ говорила Дафнису: отри свои слезы, любезной Дафнисъ! Какъ! могу ли я любить другаго? Хотя бы всѣ поля покрылись его стадами, однакожъ сіе богатство сдѣлаетъ ли мнѣ его любезнымъ? Нѣтъ, Дафнисъ! нѣтъ, ты мнѣ одинъ любезенъ; ты любезенъ, не взирая на твой недостатокъ: твоя нѣжность и твоя добродѣтель дѣлаютъ тебя любезнымъ. Ты одинъ, кото-

тораго я хочу любить. Сказавши она сіи слова, его обнимаетъ. . . Но, увы! вскричала она: пылая къ тебѣ любовію, я буду непослушною нѣжнѣйшей изъ всѣхъ матерей; я возмущу спокойствіе ея старости болѣзнію и печалію. Ахъ, Дафнисъ! коль я нещастлива! нещастлива повинуясь, нещастлива не повинуясь. . . . Дафнисъ! отри свои слезы, я въ неизъяснимую печаль погружаюсь; повинуйся богамъ, наказующимъ преслушныхъ. Ежели ты имъ будешь послушенъ, они тебя сдѣлаютъ щастливымъ; я поспѣшаю и . . . увы! въ отчаяніи тебя видѣть! я спѣшу къ нещастію; да, я во всю мою жизнь окружаема буду нещастіями. . . . Вотъ какимъ образомъ любовь и добродѣтель между ими имѣли сраженіе; они долгое время пребывали въ молчаніи, болѣзнь и вздохи препятствовали имъ разговаривать. Наконецъ Филлида начала говорить; она Дафниса заключила въ свои объятія и съ воспламененными отъ Купидона очами сказала ему: ахъ, Дафнисъ! обними меня; я хочу тебя любить Дафнисъ! я повергнусь къ ногамъ моей матери. Когда она будетъ предлагать о сей новой любви, тогда я повергнусь къ

 ея

ея ногамѣ; я возьму ея колѣна, и буду проливать слезы до тѣхъ порѣ, покамѣстъ она не будетъ тронута сожалѣніемъ и не согласится на нашу любовь. Конечно, Филлида! отвѣчалъ Дафнисъ въ восхищеніи, обними ея колѣни, проливай предъ нею слезы, и ноги ея ороси своими слезами, и не отступай отъ нее; не отступай, доколѣ она не склонится на нашу любовь и не утвердитъ оныя: она и сама съ тобою прослезится, и, будучи тронута сожалѣніемъ, согласится на нашу любовь.

Таковы были ихъ восхищенія, когда надежда въ нихъ вновь раждалась. Они начали смѣяться; они обнимались съ такимъ же жаромъ, съ какимъ обыкновенные обнимаются любовники, увидѣвшись по долговременной разлукѣ; они проливаютъ отъ радости слезы и цѣловались столько и до тѣхъ порѣ, когда наступающій вечеръ принудилъ ихъ разстаться.

Дафнисъ возвратился оттолѣ столько же исполненъ безпокойствія, сколько и надежды. Слѣдующій день едва только кончалъ половину своего теченія, а онъ уже и прешелъ рѣку. Филлида уже ожидала его у источника; онъ къ ней поспѣша-

шаетЪ и ее цѣлуетЪ. Ея веселой видЪ предвѣщалЪ Дафнису, что она ему сказать имѣетЪ какую нибудь радостную вѣдомость. Она сѣла на траву, а подлѣ нее сѣлЪ и ДафнисЪ, одною рукою обнявши, а другую положа на ея колѣни. ДафнисЪ! сказала она ему: мы щастливы! и сказавши сіе, она его поцѣловала; а онЪ сЪ своей стороны, заплатившии ей своимЪ поцѣлуемЪ, прижалЪ ее кЪ своей груди. Мы щастливы, продолжала она; я вчера возвращаясь встрѣтила мою родительницу вЪ маленькомЪ лѣсочкѣ, стоящемЪ противЪ нашего шалаша: она при сіяніи луны собирала виноградныя кисти, кЪ землѣ приклонившіяся. Я подошедши ее поздравила. Благодарствую, моя любезная Филлида! сказала она мнѣ; и послѣ того меня вопросила, напоено ли мое стадо? Ты скоро будешь имѣть великое стадо, продолжала она; сей ЛамонЪ изЪ всѣхЪ сосѣдственныхЪ пастушковЪ имѣетЪ превеликое стадо. Сіе неожидаемое начало меня устрашило, и я начала плакать; а она, оставя свое упражненіе, на меня смотрѣла, и послѣ того вопросила: для чего ты, Филлида, проливаешь слезы? и ко-

гда я еще не преставала плакать, то она болѣе имѣла причины вопросить меня еще однажды: о чемъ ты, Филлида, плачешь? Тогда я ей отвѣчала перерывающимся голосомъ: ахъ, моя родительница! моя любезная родительница! не оскорбляйтесь, я проливаю слезы; увы! ежели я проливаю источникъ слезъ, сіе означаетъ, что я не буду любить Ламона. По произнесеніи сихъ словъ, я предъ нею повергласъ и обняла ея колѣни: увы! не оскорбляйтесь, сказала я ей (и я всегда изпускала теплыя слезы), не оскорбляйтесь, моя любезная родительница! я не буду, увы! нѣтъ, я не буду любить Ламона. Я уже люблю . . . но, увы! отважусь ли я сказать? я уже люблю пастушка съ другаго берега; пастушка всѣхъ лучшаго и добродѣтельнаго. Сказавши сіе, имѣла я лице приклоненное къ ея колѣнямъ, не переставая проливать горькія слезы. Хотя онъ имѣетъ малое стадо, но онъ подлинно любви достойнѣйшій пастухъ и добродѣтельный. Послѣ сего я замолчала, и поднявши свои очи, увидѣла я изъ очей моей родительницы текущія слезы: она съ нѣжностію подавши руку, меня подняла. Нѣтъ, сказала она мнѣ; нѣтъ,

Фил-

Филлида! я не буду препятствовать любви твоей; но, Филлида! любовь обманчива: я не могу на твое требованіе, не увидѣвши твоего любовника, и не увѣрившись подлинно о его добродѣтели, точно согласиться; поелику отъ сего зависитъ твоей жизни благополучіе. Кромѣ одной добродѣтели ничто не можетъ учинить тебя щастливою. Послѣ того, какъ она сіе сказала, я обѣщалась ей привести тебя въ нашъ шалашъ. Дафнисъ вставши, исполненъ будучи радости, цѣловалъ свою Филлиду; онъ, ее обнявши, держалъ въ своихъ объятіяхъ: они другъ друга прижали изъ всей своей силы и цѣловались столько, сколько имъ было можно.

Дафнисъ послѣ того говорить началъ: послушай, любезная моя Филлида! твоя родительница о нашей любви не неизвѣстна; но . . . безъ сомнѣнія по приведеніи меня въ вашъ шалашъ я твоей родительницѣ могу ли понравиться? О! ни малѣйшаго нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что ты ей понравишься. Дафнисъ: продолжалъ но мой родитель еще не знаетъ, что мы другъ друга любимъ: я иду, иду возвѣ-

 стить

стить ему о взаимной нашей любви; но вѣдаешь ли ты, какія намъ принять должно мѣры? Пойдемъ со мною, я тебя ему представлю, и когда онъ тебя увидитъ, то не умедлишь сказать точную правду. Дафнисъ! ты учинилъ чрезмѣрно хорошій выборъ.

Филлида, согласившись на сіе, просила Дафниса набрать цвѣтовъ для украшенія себя вѣнкомъ, вновь сплетеннымъ. Когда Дафнисъ пошелъ искать цвѣтовъ, тогда Филлида прекрасное свое лице умыла изъ источника текущею прозрачною водою. Дафнисъ не умедлилъ возвратиться, наполнивши шляпу свою различными цвѣтами, изъ коихъ иные были пестровидные, другіе бѣлизною подобились снѣгу; сіи были голубаго цвѣта, а сіи позлащены на подобіе звѣзды, другіе подобились устамъ Филлиды. Онъ, высыпавши на ея колѣни, и самъ подлѣ нее садится; и когда она сплетала свой вѣнокъ, и всѣ различные цвѣты разполагала съ удивительнымъ искусствомъ: тогда онъ завивалъ черные ея волосы и бѣлую грудь украшалъ цвѣтами. Лишь только Филлида надѣла на себя вѣнокъ, тогда казалось Дафнису, что еще никогда не видалъ толь красо-

ты прелестной. Онъ скакалъ отъ радости, и далъ ей свою руку для провожденія къ берегу, гдѣ они сѣдши на ботикъ, безъ замедленія приплыли на другую сторону.

Онъ привелъ ее къ своему шалашу. Я взойду въ оной, сказалъ онъ ей; а ты, Филлида! подожди мало подъ симъ входомъ: я не замедлю возвратиться, чтобъ тебя представить моему родителю.

Онъ входитъ въ свой шалашъ, стоитъ, не говоря ни одного слова, краснѣетъ, потупляетъ свои очи, и послѣ того вдругъ сказалъ: любезный мой батюшка! и палъ въ молчаніе, которое перервалъ онъ, чтобъ вскричать вторично: любезный мой родитель! . . . Дробросердечной старецъ, видя его смущенна, спросилъ его: о чемъ ты смущаешься, Дафнисъ? Тогда краска лице его покрыла, и онъ, кромѣ сихъ словъ, ничего не могъ отвѣтствовать: ахъ, батюшка! я люблю; и послѣ того замолчалъ.... Ты любишь? сказалъ ему старецъ; ты любишь? повторилъ онъ, подавая ему руку; и кого ты любишь? Тогда Дафнисъ къ своему отцу приближается; онъ руку свою влагаетъ въ старцеву: ахъ, родитель мой! сказалъ онъ ему, я люблю

самую лучшую и прекраснѣйшую изъ всей страны сей дѣвицу. Ты щастливъ, Дафнисъ! отвѣчалъ ему старецъ; однакожъ не ослѣпляйся красотою: ты щастливъ, естьли она любитъ боговъ, которые все видятъ съ высоты Олимпа; они ее благословятъ; но, Дафнисъ! любовь обманчива. Нѣтъ, отвѣчалъ Дафнисъ; нѣтъ, она меня не обманула, и сіи слова сказавши, выбѣгаетъ ко входу, принимаетъ Филлиду за руку, и вводитъ ее въ шалашъ.

Она, вошедши въ него, стояла; ея невинность принуждала ее краснѣть; она имѣла голову потупленную и наклоненную къ груди; едва смѣла она бросать изъ подъ своего вѣнка по случаю нѣкоторые взоры. Дафнисъ иногда взиралъ на своего отца, и удивляясь примѣчалъ, что добросердечной старецъ не спускалъ очей своихъ съ Филлиды; ему пріятно было видѣть, съ какимъ дружественнымъ видомъ взиралъ на нее отецъ его; иногда бросалъ онъ взоры свои на Филлиду и усмѣхался, видя ея робость. Онъ беретъ ее за руку, приводитъ къ простодушному старцу, съ нѣжностію цѣлуетъ руку своего родителя, и . . . Филлида! сказалъ онъ, цѣлуй также руку превосходнѣйшаго

шаго родителя; и она сїе исполнила съ радостїю.

До того времени старецъ со вниманїемъ разсматривалъ, не говоря ни слова; но по томъ возопилъ онъ, изпуская вздохи: увы! какїя сїи черты суть, зримыя мною на твоемъ лицѣ исполненномъ невинности? Любезное дитя! ахъ! вотъ черты Палемона! конечно сїи черты суть искреннѣйшаго моего друга! вотъ улыбка, показывавшаяся на его лицѣ въ своей младости; онъ мертвъ, увы! и я съ нимъ лишился половины моего щастїя. Скажи, дитя мое! скажи, дочь ли ты Палемонова?

Да, отвѣчала ему Филлида; да, я дочь Палемонова; но, увы! мои очи никогда не зрѣли моего родителя; моя мать питала меня своими сосцами, когда онъ скончался; она всякой день изходитъ проливать слезы подъ растущїе кипарисы, которые пастушками около его гроба усаждены были; она туда всякой день изходитъ проливать слезы на семъ гробѣ сего добросердечнаго отца, которой произвелъ меня въ свѣтъ.

По произнесенїи Филлидою сихъ словъ, старецъ встаетъ и обнимаетъ ее, весь будучи въ трепетѣ. Дщерь моя! сказалъ

онъ

онъ ей; дщерь моя! и лишившись силъ, упалъ онъ на стулъ, позади его стоящій. Испуская тяжкіе вздохи, возвелъ онъ очи свои къ небу, взялъ руку сея дѣвицы, и слезы, отъ радости ліющіяся, препятствовали ему говорить. Дафнисъ, до того времени стоящій въ радостномъ восторгѣ, поспѣшилъ возставить добродѣтельнаго старца, угостить свою любезную Филлиду; и для того пошелъ искать корзинку съ виноградомъ, мигдалемъ, апелсинами и яблоками. Ничто радости его изъяснить было не въ силахъ. Онъ скакалъ и пѣлъ идучи искать сихъ плодовъ. Дафнисъ! сказалъ онъ самъ себѣ: ахъ, Дафнисъ! какъ ты щастливъ! никого въ свѣтѣ, никого нѣтъ тебя щастливѣе. Таковы были его восторги, когда онъ поспѣшалъ поставить на столъ кошницу. Добродѣтельной старецъ посадилъ Филлиду подлѣ себя, и Дафнисъ сѣлъ подлѣ нее по другую сторону; онъ выбиралъ самые лучшіе орѣхи и яблоки для нее. Здѣсь признаться должно будетъ, что когда онъ ей подавалъ оные плоды, покрытъ былъ такимъ же румянцомъ, какой при входѣ томъ въ шалашъ имѣли Филлидины щоки.

Старецъ наконецъ говорить началъ: увы! сказалъ онъ, въ какомъ веселіи и въ какомъ щастіи протекли бы мои лѣта въ дружествѣ Палемоновомъ! Ахъ, искреннѣйшій другъ! сколь онъ былъ добродѣтеленъ! онъ былъ бѣденъ, но и при недостаткѣ своемъ онъ не переставалъ быть щедрымъ; никто столько, сколько онъ богамъ жертвоприношеній не дѣлалъ; онъ не имѣлъ почти овецъ, кромѣ тѣхъ только, кои даваемы были ему въ награду за пѣсни: ибо въ его время никто не пѣлъ его лучше. Пѣвцы приходили издалека, чтобъ спорить съ нимъ о превосходствѣ пѣнія, и онъ всегда получалъ надъ ними побѣду. Сколько ни малочисленно было его стадо, однако каждой годъ закалалъ онъ въ жертву двухъ младыхъ козленковъ, хотя бы должно было и хлѣба своего лишиться для покупки оныхъ. Простосердечіе всегда на его лицѣ изображалось; радость и удовольствіе всегда ему сопутствовали, и въ самомъ злоключеніи: они въ немъ примѣтны были; онъ проливалъ слезы, когда видѣлъ другихъ въ нещастіи, и тогда чувствительна и болѣзненна была ему бѣдность, когда пре-

пят-

пятствовала она подать вспоможеніе. Таково было Палемоново добродушіе; вотъ что дѣлало его любезнымъ! Онъ скончался; увы! онъ скончался въ цвѣтущихъ лѣтахъ своея жизни. Всѣ окрестные пастушки соболѣзновали о его смерти; каждой изъ нихъ лишился искреннѣйшаго друга. Никогда толь многочисленно въ сіи страны пастушки не собиралисъ, какъ только въ день его погребенія; они всѣ за его тѣломъ слѣдовали съ печалію, держа въ рукахъ своихъ кипарисныя вѣтви. Онъ погребенъ былъ между воздыханіями и слезами, и всѣ пастушки вѣтви свои около его гроба усадили, и богъ Панъ благословилъ ихъ всходъ, произраставъ ихъ въ великую рощу. Я и теперь еще имѣю его чашу, которую онъ, получивъ за пѣніе, подарилъ мнѣ. На ней кругомъ изображенъ былъ кустарникъ, изъ котораго извившаяся змѣя поднимаетъ свою голову, дабы досягнувши до края, укусить оной можно было, и въ семъ положеніи представляетъ она ухо. Ахъ! коль драгоцѣненъ даръ сей для возпоминанія лучшаго моего друга! я ее употребляю только въ великіе праздники.

Дафнисъ съ Филлидою повѣствованіе сего добродѣтельнаго старца со вниманіемъ слушали. Между тѣмъ приближившаяся ночь принудила Филлиду съ ними разстаться. Старецъ съ нѣжностію лобывалъ ея бѣлое чело. Поспѣшай возвѣстить своей матери, сказалъ онъ, что Аминтъ живъ еще; возвѣсти ей, что обновится юность его, когда дщерь Палемонова соединится съ сыномъ его, и когда она наречетъ Аминта своимъ отцемъ. Тогда Филлида дала руку своему пастушку, которой проводилъ ее изъ шалаша. Старецъ также вышелъ, и слѣдуя за ними очами, не могъ удержаться отъ радости до тѣхъ поръ, доколѣ потерялъ ихъ изъ виду подъ отдаленными деревами. Поистиннѣ, сказалъ онъ самъ себѣ, наполненъ будучи восхищеній, радость добродѣтельнаго сына дѣлаетъ радость щастливѣйшему отцу; его щастіе поставляетъ на верьхъ щастія и отца своего. Какая награда! какая щастливая награда труда, изтощеннаго во время насажденія въ юномъ сердцѣ добродѣтели, которая въ немъ вкореняется! Пріятная жатва! сладкіе плоды!

Ска-

Сказавши сіе, возвратился онъ въ шалашъ свой; а Дафнисъ и Филлида сѣли на ботикъ. Дафнисъ, съ великимъ трудомъ рѣку переплывши, вспомоществовалъ своей пастушкѣ выпти изъ ботика, и послѣ того привязалъ его къ ивѣ. Идучи пѣли они нѣжную пѣсню, которую эхо повторяло, и которая часто была прерываема ихъ поцѣлуями. Наконецъ пришли они въ долину, гдѣ должно было уже разстаться. Дафнисъ обѣщалъ Филлидѣ, что онъ въ слѣдующій день придетъ въ шалашъ ея матери, и напослѣдокъ они другъ другу съ нѣжностію говорили не однократно: прощай! которыя рѣчи пѣніемъ соловья сопровождаемы были.

Дафнисъ возвратился лѣсомъ, и когда хотѣлъ отвязать свой ботикъ, тогда услышалъ онъ голосъ, которой ему сказалъ: Дафнисъ! поспѣши къ намъ подъ сіи ивы. Онъ, туда пришедши, нашелъ подъ оными двухъ пастушковъ сидящихъ. Ты будь нашимъ судіею, сказали они ему; мы споримъ о превосходствѣ нашего пѣнія. Начинайте, я буду судіею, отвѣчалъ Дафнисъ, и послѣ того сѣлъ противъ нихъ.

Первой изъ нихъ пастухъ началъ такимъ образомъ: „Музы! и ты лѣсовъ богъ „Панъ! излейте во уста мои пѣснь сладчайшую, нежели какъ поетъ малиновка, „и нѣжнѣйшую, нежели соловей. Меналкъ „о томъ васъ проситъ, онъ хочетъ пѣть; „Меналкъ, которой всегда получалъ награду за пѣніе; по истиннѣ, когда я „пою, то дѣвицы, стоя вокругъ меня, говорятъ: ахъ, Меналкъ! какъ ты поешь „сладостно! Но ты, любезная Дафна! для „чего не остановишься никогда близь „меня, чтобы сказать: ахъ, Меналкъ! „какъ ты поешь сладостно!„

Второй пастухъ, именуемый Алексисъ, воспѣлъ такимъ образомъ: „Я знаю одну „дѣвушку, такъ! которой было только „шестнатцать лѣтъ; ея станъ тонокъ „и строенъ, волосы чернорусые, бѣлизна „ея лица равняется съ бѣлизною снѣга, „ея очи блещущи и на устахъ пріятныя „играютъ усмѣшки. Гдѣ ты нынѣ и на „какихъ цвѣтахъ скачешь, какъ нѣжный „агнецъ, съ такою же легкостію, и какъ „ты плясала нѣкогда здѣсь въ прохладный осенній вечеръ? Ахъ! съ сего времени сердце мое начало безпокоиться! „увы! гдѣ ты, любезная пастушка, пля-

„ шешь съ такою же легкостію, какъ пти-
„ ца съ одной вѣтьви на другую пере-
„ порхиваетъ? „

Меналкъ: „ Сладостныя птицы, сѣдя-
„ щія на вѣтьвяхъ древесъ, должны мол-
„ чать, когда поетъ черноглазая Дафна,
„ и Зефиры всегда летаютъ пусть во-
„ кругъ ея ногъ, и пусть ничего не ра-
„ стетъ, кромѣ трилиственника; пусть
„ трава ея будетъ лучшею пищею ея ста-
„ дамъ. „

Алексисъ: „ Всякой вечеръ я гоняю
„ стадо свое черезъ ручеекъ, дабы оно въ
„ немъ омывшись прохладилось; мои овеч-
„ ки столько же бѣлы, какъ рѣчныя лебе-
„ ди; а я молодъ и пригожъ, любезная
„ пастушка! не справедливо ли сіе? „

Меналкъ: „ Пусть кроткіе вечерніе
„ вѣтры играютъ благопріятно между
„ ивами и кустарниками; пусть луна вос-
„ ходитъ въ спокойной и величественной
„ красотѣ! А вы, лани и овцы! скачите на
„ сихъ берегахъ: здѣсь растутъ тополы
„ и плющь; пусть берегъ сей рѣки ни
„ когда не осыпается. „

Алексисъ: „ Молоденькой агнецъ! ты
„ скачешь всегда около моей красавицы;
„ она изъ рукъ своихъ тебя всегда три-
„ лис-

„ лиственникомъ насыщаетъ. Маленькой „ чижикъ, какъ я тебѣ завидую! ты летаешь около рѣшотки ея окошка; ты „ видишь поутру ее спящую; ты услаждаешь ее пѣснями и твои пѣсни ей „ пріятны. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я найду свою пастушку, такъ, въ томъ „ мѣстѣ, гдѣ она мнѣ дастъ первой поцѣлуй, клянусь тебѣ, о Панъ! что буду „ изливать чашу вина, что я буду каждой годъ тамъ закалать въ честь тебѣ овна.„

Такъ воспѣвали младые пастушки, и Дафнисъ сказалъ: Алексисъ! ты одержалъ побѣду и долженъ получить награду; твоя пѣснь пріятнѣе моему слуху, нежели тихое источниковъ журчаніе. Алексисъ получа ланя, которой былъ опредѣленъ наградою пѣнія; ты, любезной Дафнисъ! сказалъ онъ, ты возьми сію лань, мои стада довольно обильны; но въ благодарность за сіе дожно спѣть тебѣ пѣсенку. Дафнисъ, исполнясь радости и взявши лань, началъ пѣть такимъ образомъ:

„ Луна! излей свѣтъ твой на путь, по „ которому моя пастушка возвращается „ въ хижину; для меня всегда цвѣтетъ „ тамъ пріятная весна, гдѣ находится

„моя любезная; и тамъ, кромѣ радостей, „ничего въ лугахъ не обрѣтается; цвѣ„ты благоуханія тамъ испускаютъ запахъ; но когда она меня объемлетъ, „и когда свои уста прижимаетъ къ моимъ устамъ, тогда-то бьется мое сердце, тогда не вижу я весны, не чувствую благоуханія отъ цвѣтовъ, такъ, „я не чувствую ничего, кромѣ ея поцѣлуевъ.„

Когда Дафнисъ окончалъ такимъ образомъ свое пѣніе, тогда сказалъ Алексисъ: я охотно бы уступилъ половину моего стада, чтобъ пѣть мнѣ съ такою пріятностію.

Конецъ перпой Книги.

ДАФНИСЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Дафнисъ, взявши лань и проводя ее въ судно, отвалилъ отъ берега и безпрестанно мыслями своими слѣдовалъ за Филлидою. Онъ, будучи восхищенъ, не видѣлъ, съ какимъ стремленіемъ рѣка протекала. Онъ уже былъ на половинѣ, когда оная нанесла его на камень, которой разбилъ его лодку. Она съ яростію возноситъ его на хребетъ пѣнящихся волнъ; лань бросается изъ лодки и спасается вплавь. И какъ младой агнецъ трепещетъ, когда чувствуетъ себя несома острыми зубами волчицы къ изтощеннымъ гладомъ своимъ волчатамъ, которые съ ревомъ выходятъ изъ своего логовища для ея встрѣчи: подобно и Дафнисъ трепещетъ, ни малѣйшей не имѣя къ спасенію надежды; онъ опасается, что быстрота рѣки преткнетъ его о какой нибудь камень,

о которой волны въ ярости ударяются съ ревомъ. Но волны, все миновавши, несли его на своемъ хребтѣ до тѣхъ поръ, доколѣ темнота ночи не скрыла отъ него берегъ. Онъ часто усматривалъ сіяніе лампады къ хижинѣ на берегу стоящей, и въ своемъ безпокойствіи просилъ къ себѣ людей на помощь, но то было тщетно! рѣка несетъ его съ одинакимъ стремленіемъ. Вскорѣ послѣ того усмотрѣлъ сильный свѣтъ, къ которому часъ отчасу приплывалъ ближе; сей свѣтъ происходилъ отъ лодки на водѣ стоящей. И какъ уже онъ не призывалъ болѣе никого къ себѣ на помощь, тогда сіе судно, напередъ его идущее, остановило его лодку.

Два рыбака, которые ловили на рѣкѣ сей рыбу, и спящую ее огнемъ ослѣпляли и глушили острогою, взявъ его на свою лодку съ особенною пріязнію, немедленно отвезли его въ близъ стоящую хижину, около стѣнъ которой висящія сѣти испускали еще водные токи. Дафнисъ увидѣлъ въ сей хижинѣ почтеннаго старца въ чужестранное одѣтаго платье; поистиннѣ, сказали рыбаки другъ другу, въ настоящій день мы щастливы! боги даровали уже намъ двухъ странниковъ; дву-

двукратно они обрадовали насъ спасенiемъ нещастныхъ. По окончанiи сего разговора, когда одинъ изъ нихъ пошелъ прiуготовлять для странниковъ рыбы, которую они ловили сами, между тѣмъ другой готовилъ хлѣбъ, сладкое вино и вкусные плоды. Добродушной старецъ просилъ Дафниса и рыбака своего благотворителя сѣсть съ собою вмѣстѣ; Дафнису должно было разсказывать, какимъ образомъ рѣка унесла его, въ какомъ находился онъ страхѣ, прося тщетно помощи. Онъ изъяснилъ имъ радость, которую онъ чувствовалъ, увидя лодку съ огнемъ. Въ сихъ толь веселыхъ разговорахъ (ибо когда нещастные срѣтаются между собою въ одномъ мѣстѣ и находятъ себѣ взаимную помощь, и когда они видятся у людей добродѣтельныхъ, которые благодарятъ боговъ за то, что видятъ у себя нещастныхъ и могутъ подать имъ помощь, не можетъ разговоръ быть не дружелюбной), въ сихъ разговорахъ, повторяю я, провождали они время до тѣхъ поръ, когда другой рыбакъ, принесши блюдо рыбы имъ самимъ сваренной, поставилъ на столъ; онъ также сѣлъ съ ними, и оба сiи

рыбаки потчивали оною своихъ странниковъ. Добродѣтельный отецъ! сказалъ одинъ изъ нихъ старцу: твоя одежда драгоцѣнна и притомъ чужестранная, и языкъ твой не сходствуетъ съ нашимъ; надобно думать, что твои нещастія завели тебя сюда издалека. Старецъ, не въ состояніи будучи вскорости ему отвѣтствовать, началъ воздыхать. Нѣсколько минутъ спустя сказалъ онъ: нѣтъ, любезной другъ! мои нещастія завели меня сюда не очень издалека; жилище мое въ городѣ Кротонѣ (*), гдѣ я былъ однимъ изъ числа Депутатовъ, посланныхъ туда изъ моего отечественнаго города; но, увы! начальники сего города, долженствовавшіе любить боговъ, добродѣтель и правосудіе, точно сіи суть, кои утопаютъ въ роскошахъ и забавахъ, кои развращаютъ народные нравы, и которые предпочитаютъ правосудію и добродѣтели собственную выгоду и свое порочное житіе. Сей ослѣпленный народъ, потерявъ здравой разумъ, находится въ безуміи, и онъ обоготворяетъ тѣхъ,

(*) Кротонъ городъ не далеко лежащій отъ Іоническаго моря, въ небольщомъ разстояніи отъ мыса Ласень.

тѣхъ, кои расточаютъ тщетно свое богатство. Все сіе мнѣ ясно было; я поддерживалъ добродѣтель и правосудіе, но они меня всѣ возненавидѣли. Разсѣянная ими въ народѣ клевета подала имъ причину гнать добродѣтель, и наконецъ они меня изгнали изъ моего отечественнаго града. Праведные боги! естьли вы судили навести на нихъ какое нибудь нещастіе! увы! укротите гнѣвъ вашъ и отвратите зло, грозящее стѣнамъ ихъ паденіемъ.

По произнесеніи такихъ словъ старецъ испустилъ тяжкіе вздохи, и послѣ того вдругъ палъ онъ въ глубокое молчаніе; прочіе, исполнившись нѣжнаго сострадания, также молчали и внимали съ ужасомъ, что сыскалось мѣсто въ свѣтѣ, гдѣ милость и добродѣтель находились въ опасности; поелику добродѣтельные не могутъ слышать безъ огорченія о мірскихъ беззаконіяхъ. Рыбаки начали утѣшать старца и старались облегчить болѣзнь его повѣствованіемъ своихъ исторій до тѣхъ поръ, когда уже сонъ клонилъ ихъ къ принятію нѣкотораго покоя.

Дафнисъ всю ночь проводилъ въ безпокойствіи; онъ, думая о своемъ отцѣ, чувствовалъ болѣзнь; онъ представлялъ себѣ страхъ, въ какомъ будетъ находится его Филлида, когда не будетъ ему можно назавтра къ полудни быть съ нею вмѣстѣ. Лишь только займется заря, сказалъ онъ, то уже я буду за рѣкою.

Лишь только первые лучи солнца разсыпались по поверхности обросшихъ мохомъ кรововъ, тогда они разлучились. Старецъ, взявши свой посохъ, обнялъ обоихъ рыбаковъ, произнося имъ со слезами сіи слова: боги да наградятъ ваше добродушіе! обнявъ ихъ также и Дафнисъ, пошелъ вверьхъ по рѣкѣ съ старцомъ. Не смотря на то, что велъ онъ его тихимъ шагомъ; старецъ усталъ и Дафнисъ просилъ его, чтобъ онъ рукою своею на его плечи оперся, и когда уже насталъ полдень, онъ искалъ тѣнистаго мѣста, гдѣ бы старецъ могъ отдохнуть. Для сей причины онъ повелъ его подъ густое ульмовое дерево, и подъ онымъ оставивши его, самъ пошелъ искать плодовъ для его подкрѣпленія, и мало успокоившись они, продолжали путь до захожденія солнечнаго; онъ ему издалека показывалъ свою хижи-

хижину, въ которой Аминтъ, отягченный страхомъ и печалію, сидѣлъ одинъ при слабомъ сіяніи возженнаго свѣтильника.

Сей нѣжной отецъ, восхищенъ будучи радостію, спѣшилъ встать, когда Дафнисъ съ старцомъ вошли въ хижину. Онъ бросился на шею своего сына: щастливъ да будетъ приходъ твой, сынъ мой! онъ сказалъ ему. Ахъ! сколь печальна была для меня ночь сія! о коль благополучной день! По томъ привѣтствуетъ онъ съ ласкою старца и жметъ его руку въ то время, когда Дафнисъ началъ разсказывать, какимъ образомъ унесла его рѣка, какъ спасли его рыбаки, и послѣ того изъяснилъ ему исторію старца, не забывъ притомъ и о той трудности, какую они претерпѣли, проходя путь, лежащій по брегу. Отецъ слушалъ съ радостію, что нашелъ онъ въ сынѣ своемъ такіе опыты сострраданія и добродѣтели.

Любезный другъ! сказалъ Аминтъ старцу, сколь мнѣ пріятно, что боги сохраняли меня къ твоему прохлажденію и вспомоществованію, и что моя хижина служитъ тебѣ покровомъ! Окончавъ сіи слова, онъ повелъ его къ стулу, обитому

тому мягкою кожею, и когда старецъ поставилъ свой посохъ, тогда онъ просилъ его сѣсть и самъ сѣлъ съ нимъ вмѣстѣ.

Какого мнѣ осталось ожидать еще щастія, сказалъ старецъ наполненъ будучи удивленія и радости, какого болѣе ожидать еще щастія, какъ только пребывать между добродѣтельными? Благотворительной другъ! я у васъ нахожу сію любезную добродѣтель, которую искалъ я тщетно въ моемъ отечествѣ. Любезной другъ! отвѣчалъ ему Дафнисовъ отецъ, сіе не велика еще есть добродѣтель помогать тѣмъ, которые находятся въ нуждѣ; надобно тому быть чудовищемъ Природы, кто не хочетъ сего сдѣлать; для чего боги покровительствуютъ мою хижину? Для чего дѣлаютъ они плодоносными мои древа? Для того ли, что я живу одинъ въ моей хижинѣ въ свое удовольствіе, хотя бы довольное количество было мѣста и тѣни для многихъ? Для того ли, что я насыщаюсь одинъ изобиліемъ плодовъ, которые, отягчая вѣтви моихъ древъ, преклоняютъ на землю? Таковъ былъ разговоръ сихъ старцовъ въ то время, когда Дафнисъ накрывалъ столъ

и постановлялъ на него молоко, хлѣбъ и плоды.

Они пошли безъ умедленія наслаждаться пріятностьми, или лучше сказать, пошли вкушать пищу самою сельскою природою изготовленную; и какъ только ужина ихъ кончилась, немедленно старались члены свои успокоить желаннымъ сномъ; но спящему Дафнису не иное что мечталось, какъ только Филлида, до тѣхъ поръ, когда возбудили его утреннія пѣсни, которыя пастухами, гнавшими стада свои въ луга, на флейтахъ играны были; ему трудно было рѣшиться, играть ли на своей флейтѣ, или нѣтъ. Онъ, проводивши свое стадо на паству, отъ прочихъ пастуховъ отдалился по берегу источника, текущаго подъ вѣтвями ивъ, которыя его тѣнію своею покрывали. Онъ тамъ сѣлъ и около его паслося стадо; иногда игралъ онъ какую нибудь нѣжную пѣсню, и послѣ того воздыхалъ и въ своей нетерпѣливости взиралъ онъ на солнце; иногда забавлялся онъ съ овечками, которыя къ нему приближались; онъ ихъ ласкалъ, или призывая къ себѣ, насыщалъ ихъ изъ своихъ рукъ травою; послѣ того принималъ.

мался онъ играть на флейтѣ, и воздыхая взиралъ онъ на солнце, будучи наполненъ нетерпѣливости отъ того, что не было оно еще въ половинѣ своего теченія.

Между тѣмъ и Аристъ (такъ назывался Кротонской старецъ) также вышелъ изъ хижины для обозрѣнія около лежащихъ предметовъ; онъ взошелъ на ближній холмъ, откуда видѣлъ при возхожденіи солнца пространное поле, и холмы, покрытые кустарникомъ, и горы отдаленныя, лазуремъ своимъ его увеселяющія, пространныя и между собою соединенныя долины, и луга, усыпанные древами, отягченными плодомъ; видѣлъ онъ разсѣянныя рощи, гдѣ зрѣлись высокія и прямыя сосны, дубы и гибкія ели. Онъ слышалъ вдали шумящую рѣку, которая текла съ величественнымъ журчаніемъ въ срединѣ поля между холмами, лѣсами и камнями; текущіе вблизи источники дѣлали по травѣ пріятной шумъ, или сладостное журчаніе своимъ легкимъ паденіемъ. Безчисленныя стада птицъ, летая съ веселіемъ на вѣтвяхъ деревъ орошенныхъ, или въ ясную погоду воспѣвали пѣсни всякаго рода, къ которымъ были присоединяемы флейты па-

пастушковъ; или пѣсни пастушекъ, которыя пасли стада свои вмѣстѣ по ближнимъ и отдаленнымъ холмамъ, или по долинамъ. Сего добродѣтельнаго старца очи, будучи объяты удивленіемъ, заблуждали по разнымъ предметамъ; иногда удалялъ онъ свое зрѣніе до тѣхъ мѣстъ, до коихъ оно едва могло достигнуть, а иногда останавливалъ его на травахъ и цвѣтахъ, которые, изпуская благовоніе, казались смѣющимися подъ его ногами. Отъ толь сильнаго восхищенія не могъ онъ сообразиться съ своими мыслями.

Какое благополучіе! возопилъ онъ вдругъ, какой источникъ удовольствій! Увы! едва сердце мое волнующееся можетъ оныя постигнуть! Ахъ, Природа! коль ты прекрасна! ты прекрасна въ своей красотѣ невинной, гдѣ искусство недовольныхъ людей не перемѣнитъ ничего изъ твоей собственной красоты! Сколь щастливъ пастухъ! сколь щастливъ мудрецъ, которой, удаленъ будучи отъ развратнаго міра, вкушаетъ сіи утѣхи посреди столь восхитительнаго согласія! Ахъ! коль онъ блаженъ; онъ снискиваетъ премудрость и неприметно производитъ больше великихъ дѣй-

дѣйствій, нежели побѣдитель, и знаменитый Князь надмѣннымъ своимъ величествомъ. Я о тебѣ радуюсь, спокойная долина! я о тебѣ радуюсь, плодоносной холмъ! и вы прочіе источники, играющіе въ лугахъ; вы, луга и вы лѣса, торжественный храмъ пріятныхъ восторговъ! я о васъ радуюсь; какія смѣющіяся пріятности вы сего утра представляете моему зрѣнію! Я вездѣ встрѣчаю пріятную радость и невинность, которыя, обитая на всѣхъ холмахъ и на всѣхъ долинахъ, меня восхищаютъ. Спокойствіе съ удовольствіемъ суть покойные жители хижинъ, разсѣянныхъ или по холмамъ, или по берегу источниковъ, извивающихся подъ прохладною тѣнію древесъ, отягченныхъ плодами. Малыя хижины! сколь вы покойны! сколь вы мало имѣете недостатка! И вы прочіе пастушки! сколь вы близки къ щастію! Что касается до васъ, безумные смертные, которые оставили простоту Природы для снисканія щастія страннымъ образомъ; вы, которые описываете невѣжество нравовъ веселящейся невинности; вы, которые называете малой недостатокъ достойною презрѣнія нищетою, которой наполняетъ Природа, отверзая

смерт-

смертнымъ источники сокровищъ — безумные! повторяю я, вы зиждете щастіе на такомъ основаніи, которое и отъ легчайшаго вѣтра опровергается! вы достигаете щастія чрезъ различные лабиринты, непрестанно будучи обременены попеченіями и непрестанно недовольны; вы протекаете сіи лабиринты, будучи увѣрены, что уже самаго верьха щастія достигнули; вы колеблетесь льстецовъ своихъ въ объятіяхъ; вы мечтаете во снѣ, вамъ, вамъ воспрянуть должно: въ сновидѣніяхъ лице смѣющіяся Гарпіи подъ видомъ божескаго блистанія васъ ослѣпляетъ; но вы не видите черною кожею облеченныхъ ея крыльевъ, которыми она васъ теперь пронзаетъ съ ужасомъ; вы не видите страшнаго ея хребта; вы, обладатели земные, вы, которые надмѣннымъ окомъ пробѣгаете всѣ окрестъ васъ лежащіе высокіе верьхи вашихъ зданій, вы, которые съ надмѣнностію мните такимъ образомъ: все сіе для меня бѣдные ползающіе муравьи, для меня, яко обладателя, предъ которымъ они содрогаются. Для кого сіи сладкія забавы, почерпаемыя въ странахъ сихъ любезныхъ, въ сихъ поляхъ обремененныхъ плодами, и во всей прекраснѣйшей

Природѣ? Для кого произтекаютъ утѣхъ оныхъ источники? Кто болѣе наслаждается прохлажденіемъ древесной тѣни? Кто болѣе претерпѣваетъ жестокость солнечнаго жара? Вы ли, о обладатели земные! или бѣдной пастухъ, покоющійся на травѣ въ срединѣ своего стада? Тотъ, кто тамъ покоится, по истиннѣ тотъ, кто дышетъ удовольствіемъ, щастливо и безбѣдно проводитъ свое состояніе; онъ не имѣетъ ни въ чемъ недостатка, и хотя бы сдѣлался обладателемъ всея страны, больше ли тому сіе принесетъ удовольствія тому, кто уже доволенъ? Прекрасная Природа для него есть неоскудѣваемымъ источникомъ чистѣйшихъ удовольствій; гордость, желаніе владычествовать, тщеславіе, не дѣлаютъ его довольнымъ въ своей участи; сей спокойной духъ, и сіе нелестное сердце разливаютъ непрестанно предъ нимъ утѣхи, подобно какъ и ты, восходящее солнце, озаряешь страны, орошенныя твоимъ свѣтомъ. О боги! не раздражайтесь тѣмъ, что я почиталъ себя нещастнымъ, и что я проливалъ слезы разлучаясь съ Кротономъ; не раздражайтесь тѣмъ, что я обращался къ нему для оплаканія стѣнъ оте-

отечественнаго моего града; сіе почитаю я темною и непроходною стезею, которою вы меня привели къ симъ мѣстамъ благополучнымъ. Тихіе источники! ваши брега избралъ я себѣ въ жилище. О древа! примите меня подъ ваши прохладныя тѣни; и вы, хижины! не затворите входа вашего чужестранцу, провождать имѣющему здѣсь со сладостію остатокъ дней своихъ между вашими обитателями, которымъ больше должно завидовать, нежели державнымъ Государямъ. Источники веселія! не преставайте продолжать теченія вашего; я вамъ приношу сердце веселящееся; по истиннѣ, я вамъ приношу духъ чистѣйшій и безъ оскверненія, сердце свѣтлое, подобное безоблачнымъ небесамъ, и столько же спокойное, какъ гладкія воды, на которыхъ малыя волны нѣкоторыя бразды съ трудомъ производятъ. По истиннѣ, сладкія воды! и вы любезные холмы! безъ васъ, исполненъ будучи сладкаго восторга и къ богамъ благодарности, я проведу жизнь мою въ размышленіяхъ въ спокойномъ и щастливомъ состояніи, не содрогаясь беззаконій, которыя бы могъ я учинить. Мои дни протекутъ какъ спокойной источникъ; они

увянутъ, какъ увядаетъ роза: она засыхая изпускаетъ последнее благовоніе; нѣжной Зефиръ прилетая около ея играетъ; засохшіе листочки падаютъ, и роза бытіе свое теряетъ.

Такимъ образомъ говорилъ добродушной сей старецъ въ щастливомъ восхищеніи. Послѣ того онъ смотрѣлъ вторично сію страну прекрасную, проливая слезы отъ радости, и наконецъ низходитъ съ холма тихимъ шагомъ для возвращенія въ хижину.

Дафнисъ и его отецъ приняли его въ объятія; полевой обѣдъ былъ въ готовности; добродѣтельные старцы, взявши одинъ другаго за руки, сѣли за столъ. Также сѣлъ съ ними и Дафнисъ; но онъ насыщался съ поспѣшностію и оставилъ добродѣтельныхъ старцовъ во время ихъ дружескаго разговора, для того чтобы переправиться черезъ рѣку и увидѣться скорѣе съ своею Филлидою. Добродѣтельная Филлида! сказалъ онъ, въ какомъ не была она вчера безпокойствіи? Она плакала; добродѣтельная Филлида... Будучи въ такихъ размышленіяхъ, онъ приходитъ къ источнику, но тамъ не находитъ своей Филлиды; онъ осматри-

вал-

вался на всѣ стороны, и какимъ не былъ онъ пораженъ ужасомъ? Имена, вырѣзанныя на корѣ деревъ, были изглажены. Великіе боги! вскричалъ онъ со трепетомъ: будетъ ли сіе предзнаменованіемъ какого нибудь нещастія? Увы! ежели моей Филлидѣ не угрожаетъ какое нибудь нещастіе, ежели моя Филлида . . . но, увы! гдѣ она? Ахъ! какъ я опасаюсь! я содрогаюсь. Ахъ! ежели наша любовь не угрожается какимъ нибудь нещастіемъ! Между тѣмъ, когда онъ такимъ образомъ говорилъ, и когда стоялъ въ трепетѣ, выходитъ изъ лѣсу Ламонъ: что тебѣ здѣсь надобно, Дафнисъ? сказалъ онъ, чего ты ищешь? безъ сомнѣнія Филлиды? Твое ожиданіе тщетно, Филлида тебя болѣе не любитъ . . . ты блѣднѣешь! Невѣрная! нѣтъ, она тебя не любитъ болѣе, наконецъ я надъ нею одержалъ побѣду; я ей подарилъ все мое стадо; я ей всѣ мои паствы отдалъ, и она, она меня любитъ, такъ поистиннѣ; сія нѣжная дѣвица меня любитъ! Видишь ли кору, на которой были вырѣзаны имена, разбросанную подъ деревами? Филлида, со мною будучи здѣсь сего утра при восхожденіи солнца, оную срѣзала. Прости,

сти, Дафнисъ! сказала она, срѣзывая имена, я хочу изтребить тебя совсѣмъ изъ моихъ мыслей. Дафнисъ едва выслушалъ половину сего разговора, то уже и былъ пораженъ; онъ стоялъ на ногахъ, колѣни его подъ нимъ лишились силъ, хладной потъ оросилъ всѣ его члены, и онъ бы упалъ, естьли бы Ламонъ поддерживая не проводилъ его къ берегу. Должно, чтобъ я тебя удалилъ отъ сихъ страшныхъ мѣстъ, Дафнисъ! сказалъ онъ ему; войди въ твою лодку. Нещастной пастухъ! можетъ быть боги тебя сохранили для другаго какого нибудь щастія. Я поистиннѣ о тебѣ весьма сожалѣю, нещастной пастухъ! до какой ты дошелъ крайности! Слова сіи сказавши, онъ отъ него возвратился.

Что касается до Дафниса, онъ долгое время стоялъ въ изумленіи, подобно человѣку, возбужденному страшнымъ сновидѣніемъ, которому волнованія препятствуютъ видѣть, что сіе не что иное есть, какъ сонъ. Сердце его трепетало и онъ весь былъ въ ужасѣ; онъ изъ трепещущаго своего сердца извлекалъ вздохи чрезъ силу; источники слезъ текли изъ его очей заблуждающихъ; и наконецъ, не

не въ силахъ будучи противиться своей болѣзни, пораженъ простерся, на землю. Она невѣрна! вскричалъ онъ, она невѣрна! О боги! и я буду навѣкъ нещастливъ! она, которая проливала слезы въ моихъ объятіяхъ, когда ея мать представляла ей о любви Ламоновой; она невѣрна! безчеловѣчная! увы! для чего я не изпустилъ дыханія въ первые часы въ ея объятіяхъ! Нещастной день, гдѣ я тебя увидѣлъ въ первой разъ! Ахъ! я тебя увидѣлъ не для инаго чего, какъ только чтобъ вѣчно сдѣлаться нещастнымъ! Но . . нѣтъ, нѣтъ, для чего мнѣ быть вѣчно нещастливу? Нѣтъ, любовь, которую ты награждаешь столь безчеловѣчно, изтребится изъ моего сердца и заступитъ мѣсто ея презрѣніе. Я буду имѣть омерзеніе къ дѣвицѣ, которая предпочитаетъ великое стадо нѣжнѣйшей любви ... Вотъ какимъ образомъ говорилъ онъ въ своемъ гнѣвѣ; онъ воображалъ, что ему не трудно будетъ надъ любовію одержать побѣду; но нѣжныя мученія и болѣзни немедленно привлекли его къ своимъ чувствованіямъ: увы! сколь бы я былъ щастливъ! поистиннѣ, я былъ бы щастливѣйшій изъ смертныхъ, естьли бы ты мнѣ

не измѣнила; теперь я нещастенъ, и мое нещастіе таково, что ни съ чьимъ сравниться не можетъ. Все будетъ со мною печалиться; я не найду болѣе удовольствій въ журчаніи источниковъ; пѣніе веселыхъ птицъ будетъ умножать мои горести; солнечной жаръ и прохладныя тѣни, все сіе для меня будетъ нечувствительно; мои овцы будутъ заблуждать безъ пастыря: ибо не будетъ онъ имѣть попеченія и самъ о своей жизни. Я возвращаюсь къ источнику, гдѣ тебя заключивши въ мои объятія, лобызалъ я съ величайшимъ жаромъ, и гдѣ ты меня обнимала съ равною горячностію. Безчеловѣчная Филлида! увы! я иду проливать въ сіи нещастныя мѣста послѣднія слезы... Произнося сіи жалобы, Дафнисъ возвратился оттуда къ источнику: здѣсь, вскричалъ онъ тогда, здѣсь провождалъ я толь щастливые часы въ твоихъ объятіяхъ! на берегахъ сего источника, при которомъ ты покоилась. Безчеловѣчная! когда я тебя встрѣтилъ въ первой разъ, и вотъ..... какой ужасъ! вотъ на земли кора, на которой вырѣзано было твое имя; ты, твоя рука изгладила оное. Но... увы! естьли бы сіе было не-

несправедливо! естьли бы Ламонъ меня обманулъ! О восхитительныя мысли! Ахъ! я опасаюсь, я страшусь тщетнаго упованія; я недостоинъ былъ тебя Филлида! Ламонъ не любезнѣе ли меня? Я не былъ достоинъ любви твоей! Ахъ, Ламонъ! прости меня, естьли тщетная для тебя надежда несправедливо принуждала быть тебя обманщикомъ!... Когда онъ былъ въ сихъ размышленіяхъ, тогда услышалъ въ лѣсу небольшой шумъ; онъ озирается и видитъ Филлиду; онъ содрогается, она блѣднѣетъ и смотритъ на него съ свирѣпостію: что ты здѣсь Дафнисъ дѣлаешь? сказала она ему; я бы сюда не пришла, естьли бы я тебя здѣсь сыскать чаяла. Я немедленно возвращаюсь отсюда; я могу въ другое время сыскать здѣсь потерянную мною ленту... Ты негодуешь жестокая на сіе, что ты меня еще однажды видишь? сказалъ ей Дафнисъ. Тогда Филлида показывая, что она ищетъ своей ленты, ходила туда и сюда наклонившись. Дафнисъ также началъ искать съ нею. Сія лента подарена была тобою, сказала ему Филлида; естьли ты ее найдешь, храни ее у себя и подари новой своей пастушкѣ. Мои ленты для

 тебя

тебя очень малова стоютъ; Ламонъ подаритъ тебѣ лучшія, сказалъ ей Дафнисъ, можетъ быть сія лента, которую ты ищешь, скрыта подъ корою, которую ты срѣзала. Вотъ какимъ образомъ они разговаривали между собою, когда искали ленту; но Дафнисъ скоро дошелъ до крайности; чрезмѣрная болѣзнь сдѣлала его безгласнымъ, и во все сіе время они оба пребывали въ молчаніи. Онъ, нечувствительно приближившись къ Филлидѣ, услышалъ ея вздохи, и посмотрѣвъ ни ея лице, видѣлъ ее плачущую. Ты плачешь, невѣрная! сказалъ онъ ей, ты плачешь! Филлида, посмотрѣвши на него слезнымъ окомъ, примѣтила, что и онъ также проливаетъ слезы. Ты плачешь невѣрной! сказала она ему рыдая, ты плачешь! Такъ, я плачу видя дѣвицу, которую ты сдѣлалъ нещастною, навѣкъ нещастною! Послѣ сихъ краткихъ словъ Филлида открыла свое прекрасное лице, отирая на немъ своими маленькими ручками текущія слезы, и ея рыданія произвели біеніе въ ея сердцѣ. Дафнисъ тогда бросился къ ея ногамъ, беретъ ея руку, цѣлуетъ съ горячностію и орошаетъ ее своими слезами. Ахъ, Филлида! сказалъ

онъ

онъ ей рыдая, дорогая измѣнница! ты проливаешь слезы; увы! оплачь мое нещастие. Безчеловѣчной! сказала ему Филлида съ болѣзнію, ты меня упрекаешь невѣрностію, меня, которая тебя любитъ больше всѣхъ вещей; ты меня дѣлаешь нещастною, вѣроломной! полюбя другую. По сихъ словахъ Дафнисъ вставши, я, возопилъ онъ, я невѣренъ? О боги! накажите меня, естьли я невѣренъ! и Филлида . . . Ахъ! не признаешься ли ты въ своей невѣрности? не любишь ли ты Ламона? . . . Не скрывай отъ меня сего Филлида! не изгладила ли ты на древахъ именъ вырѣзанныхъ? Ламонъ, сего дня встрѣтившись со мною близъ источника, чего ты ищешь? сказалъ онъ мнѣ. Твоей Филлиды? Нещастной пастухъ! до какой ты дошелъ крайности! она тебя не любитъ болѣе; это я, котораго она теперь любитъ; она, она сама сего дня изгладила на древахъ вырѣзанныя имена, дабы истребить тебя совсѣмъ изъ мыслей.

Филлида стоя слушала слова сіи; она поражена была удивленіемъ; но вскорѣ послѣ того она бросилась на шею къ Дафнису. Мы обмануты! возопила она; без-

безчеловѣчной Ламонъ... мы обмануты! Вчера, дорогой мой Дафнисъ! вчера я здѣсь проливала слезы, я тебя ожидала тщетно; я, осматриваясь на всѣ стороны, увидѣла коры деревъ срѣзанныя; увы! въ какомъ я находилась страхѣ! я была полумертва, когда Ламонъ вышелъ изъ лѣсочку. Нещастная Филлида! сказалъ мнѣ льстецъ сей, ты ищешь Дафниса? и ты страшишься, видя коры деревъ срѣзанныя; ты еще (но должно ли, чтобъ я тебя сама увѣдомила о сей страшной вѣсти?) не знаешь ты еще, что Дафнисъ тебѣ невѣренъ? Ахъ! такъ, Дафнисъ невѣренъ! онъ приходилъ сюда съ другою пастушкою, и срѣзавши имена, раздробилъ на части. Я тебя забываю, Филлида! сказалъ онъ; я забываю тебя навсегда. Послѣ того обнялъ онъ свою пастушку и оттуда возвратился съ нею. По сихъ словахъ пала я на землю, и поднимая меня льстецъ сей, нещастная Филлида! сказалъ онъ мнѣ, я провожу тебя теперь въ твою хижину. Не оскорбляйся; измѣнникъ не заслуживаетъ слезъ твоихъ. Ахъ, Филлида! естьли бы ты меня любила, ты была бы благополучна; мое великое стадо, мои луга были бы всѣ твоими. Говоря мнѣ сіе такимъ

кимъ образомъ, проводилъ онъ меня въ мою хижину. Тамъ, дорогой Дафнисъ! я всю ночь въ слезахъ проводила; до какихъ сего дня не доходила я крайностей? Пойду, сказала я сама себѣ, такъ, пойду въ сей вечеръ на брегъ источника, гдѣ я столь часто бывала въ объятіяхъ невѣрнаго; пойду на оной оплакивать мое нещастіе; но по приходѣ моемъ сюда я тебя сыскала. Хотя я тебя увидѣвши и устрашилась; но я была какъ восхищенная отъ радости; я, притворно исказвши ленты, хотѣла показать мое негодованіе. Ахъ! чего мнѣ сіе не стоило! я начала проливать слезы, проливалъ и ты также оныя, дорогой мой Дафнисъ. Ахъ! какое щастіе, когда мы опять соединились!

Безчеловѣчной льстецъ! сказалъ Дафнисъ; сколь мы щастливы, что не долго отъ насъ скрывалъ его лукавство. Любезная Филлида! Дорогой Дафнисъ! сказали они другъ другу съ нѣжнѣйшими объятіями и прижимая себя одинъ къ другому. Ахъ! сказалъ Дафнисъ, простишь ли ты меня, что я почиталъ тебя невѣрною? Ахъ, Дафнисъ! сказала она ему, ты не хочешь, чтобъ я тебя почитала невѣрнымъ, когда я на тебя негодовала? Они другъ

дру-

другу отвѣтствовали только слезами и тысячью поцѣлуевъ. Онъ съ горячностію лобызалъ бѣлое ея чело, ланиты, уста и очи омоченныя слезами, и она, она своими объятіями сдѣлала ему вѣнокъ изъ поцѣлуевъ, разсѣянныхъ по его прекрасному лицу.

Послѣ сего спрашивала его Филлида, для чего онъ въ прошедшій день не пришелъ къ источнику? Дафнисъ ей изъяснилъ, какимъ образомъ похитила его рѣка; сіе новымъ было ужасомъ для Филлиды. Послѣ того разсказывалъ онъ ей о благотворительныхъ рыбакахъ. Филлида благотворила боговъ и просила ниспослать на рыбаковъ благословеніе; потомъ разговаривалъ съ нею о семъ добродѣтельномъ старцѣ, котораго толикія нечестія изгнали изъ отечественнаго града и лишили удовольствій, и какимъ образомъ переправлялся съ нимъ черезъ рѣку. Филлида, наполнившись состраданія въ угодность старца и восхитившись, что она владѣетъ сердцемъ столь жалостливаго Дафниса, обняла его съ восторгомъ, и съ сея минуты начала любить его гораздо болѣе прежняго, сколько было въ ея возможности. По томъ изъясняла

ясняла ему Филлида, какимъ образомъ она сказывала своей матери, что она была у Дафнисова отца; что сія добродѣтельная мать проливала слезы, когда она услышала о Аминтѣ его родителѣ, и что она позволила Дафниса привести въ свою хижину.

Поспѣшимъ, дорогой мой Дафнисъ! сказала она ему взявши за руку, пойдемъ въ сію минуту со мною. Любезная Филлида! отвѣтствовалъ онъ ей, я изъ всѣхъ людей въ свѣтѣ щастливѣйшій! Ахъ! я ни мало о любви твоей не сомнѣваюсь! я не заслуживаю любви твоей! нѣтъ, я не . . . Но Филлида препятствовала продолжать ему сіе поцѣлуями въ уста, для отвращенія всѣхъ сихъ упрековъ.

Между тѣмъ нечувствительно миновали они лѣсокъ, мимо коего должно было имъ итти къ Филлидиной хижинѣ, и едва они вошли подъ зеленую аллею, то Филлида возопила: дражайшая родительница! вотъ мой Дафнисъ! Сказавши сіе съ поспѣшностію она входитъ въ хижину. Дафнисъ за нею слѣдуетъ, и добросердечная мать встрѣчала ихъ отъ радости въ восхищеніи. Щастливъ да будетъ

детъ приходъ твой, сынъ добродѣтельнѣйшаго и искреннѣйшаго изъ друзей нашихъ, сказала она ему; какое щастіе, что ты нашелъ дочь мою! Боги опредѣлили, чтобъ вы взаимно другъ друга любили; боги васъ да благословятъ! Потомъ просила она его съ собою сѣсть, и Филлида принесши винныхъ ягодъ, гранатовыхъ яблокъ и винограду, сѣла также подлѣ Дафниса. Филлида, взявши большую изъ виноградныхъ кистей первую ягоду, вложила во уста Дафниса, другую сѣевши сама, продолжали они такимъ образомъ до послѣдней ягоды. Мать взирала на нихъ съ улыбкою, и между тѣмъ, когда они симъ были заняты, она рѣшилась соединить ихъ вмѣстѣ чрезъ три дни вѣчнымъ союза бракомъ въ сіюжъ самую осень; поелику древесные листы уже пожелтѣли и покраснѣли, и зрѣлой виноградъ вызывалъ земледѣльцовъ къ собиранію онаго. Дафнисъ обнимая свою Филлиду, сказалъ ей: въ какомъ я буду восхищеніи, увидя въ третій день восходящую Аврору!

Наконецъ мать прервавши молчаніе, сказала имъ, сжавши обоимъ руки: любезнѣйшія дѣти, утѣшеніе и радости

моей

моей старости; какое щастіе для малаго остатка дней моихъ! какимъ сіе не будетъ для меня благополучіемъ видѣть васъ благополучными! и какое большее можетъ быть щастіе, какъ видѣть соединяющихся добродѣтельныхъ! они со дня на день другъ другу становятся любезнѣе, и сія любовь никогда не умираетъ. Ахъ, любезнѣйшія мои дѣти! я не могу удержать изъ очей моихъ ліющихся слезъ (тогда словъ у нее недостало...). Ахъ! продолжала она по томъ, я сіе знаю, поистиннѣ я чувствую все сіе благополучіе; самая бѣдность не уменьшаетъ любви въ объятіяхъ добродѣтельнаго любовника. Ахъ, Палемонъ, Палемонъ! боги призирали на васъ своими очами. Мои дѣти! вы другъ друга полюбили кстати. Любезное дитя! можетъ быть въ угодность мою ты бы склонилась на представленіе Ламона; но ты бы была нещастлива, не взирая на то, что его луга простираются отъ рѣчнаго брега, до подошвы горы, которая въ довольномъ находится отдаленіи; поистиннѣ ты бы можетъ быть была съ нимъ нещастлива, хотя у него овецъ и всякаго скота безчисленное множество. Я вамъ разскажу о

нѣкоторомъ произшествіи. Палемонъ нѣкогда вспомоществовалъ Тимету обрабатываніемъ его малаго винограда, которой былъ на его холмѣ; они копали землю; нѣсколько впереди около нѣкоего гроба, бывшаго на томъ холмѣ, сыскали сокровище. Вотъ! возопилъ Тиметъ, я никогда не надѣялся толь великаго сокровища; возьми изъ онаго половину. Какой не претерпѣвали мы бѣдности? Сколь мы бѣдныя люди! мы трудимся съ утра до вечера, сіе справедливо, но что мы отъ того получаемъ? Насущной хлѣбъ и утружденіе членовъ. Я тебѣ его уступаю, сказалъ ему Палемонъ, пользуйся имъ въ цѣлости. Благословенна нищета, естьли она такова, какую мы провождаемъ! благословенъ трудъ! онъ укрѣпляетъ мои члены; полуденное солнце меня не ожигаетъ. Но Палемонъ! отвѣтствовалъ Тиметъ; не радуешься ли ты о найденномъ мною сокровищѣ? Нѣтъ, Тиметъ! я не чувствую отъ сего ни малѣйшей радости, отвѣчалъ Палемонъ; естьли бы я его сыскалъ одинъ, то бы я его давно уже опять закопалъ въ землю; да для чего мнѣ и находить? Или для того, чтобъ я основалъ мое жилище посреди луговъ,

дабы въ немъ жить подъ тѣнію нерадѣнія? Для того ли, чтобъ взирать на своего ближняго, обработывающаго свое поле, или воздѣлывающаго виноградъ свой въ потѣ и пыли лица своего? Для того ли, чтобы я былъ въ праздности, когда пастухъ тщательно бодрствуетъ надъ своимъ стадомъ? Для того ли, чтобъ я болѣе другихъ насыщался, или чтобы большій имѣть позывъ на пищу? Не безстыдно ли бы тебѣ показалось предложеніе, какое ты мнѣ дѣлаешь, Тиметъ? Погребемъ сіе сокровище; я и самъ почти тѣхъ же мыслей, отвѣтствовалъ Тиметъ. Сколь я радуюсь, продолжалъ Палемонъ, когда послѣ спокойнаго сна пробуждаюсь съ новыми силами! Утреннія птицы вызываютъ меня къ трудамъ своимъ пѣніемъ; восходящее солнце первые свои лучи на меня разсыпаетъ; я съ радостію изхожу на труды дневные; я на полѣ пою, или берегу малое свое стадо; я обработываю малую свою землю, или вспомоществую въ воздѣлываніи оной своему ближнему. Когда трудомъ услаждается умѣренной мой обѣдъ, и сохраняется мое здравіе: тогда сколь много я веселюся! Когда, утружденъ будучи вече-

 ромъ

ромъ, вхожу въ мою хижину: тогда моя жена простираетъ объятія для моего принятія, для утоленія моей жажды; она мнѣ приноситъ чашу воды студеныя, или сладкаго вина; по утоленіи оной она меня насыщаетъ хлѣбомъ, сыромъ и плодами: о коль я тогда веселюся! Хотя бы цѣлая земля, отъ горы Клибана даже до странъ песчаныхъ, лежащихъ близь Іоническаго моря, была въ моемъ владѣніи, я бы не могъ столько веселиться. Закопаемъ сіе сокровище! сказалъ Тиметъ; оно для насъ ничего не стоитъ; и они закопали его въ самомъ дѣлѣ. Послѣ сего повѣствованія добродушная мать еще прибавила, что добродѣтельные всегда были богаты. Она съ ними веселилась до тѣхъ поръ, когда они примѣтили, что день уже преклоняется къ вечеру.

Сіе самое Дафниса тогда принудило съ ними разстаться. Поди, сказала мать, обнимая его; поди возвѣстить своему родителю, что я мать щастливѣйшая въ свѣтѣ. Филлида выходитъ съ нимъ изъ хижины, и провождаетъ его до брега. Дафнисъ! сказала она ему съ нѣжнымъ объятіемъ: по прошествіи трехъ дней соединимся мы бракомъ; и сколь мы будемъ

демъ тогда щастливы! какое щастіе тогда можетъ подобно быть нашему? Дафнисъ, какіе щастливые дни мы тогда провождать будемъ! Ахъ, Филлида! сказалъ онъ ей, обнимая съ большею нѣжностію; вся наша жизнь подобна будетъ веснѣ безпрерывной. Поистиннѣ, сказала она ему; она протечетъ, какъ сей источникъ сквозь цвѣты протекаетъ. Справедливо сіе, дорогой мой! какъ на берегахъ часто видны нѣкоторые терны, равнымъ образомъ будутъ дни мрачные, которые прервутъ сію весну; но когда мы будемъ столько добродѣтельны, тогда въ твоихъ драгихъ объятіяхъ и самые терны произрастятъ для меня розы, и тѣ же мрачные дни будутъ въ моихъ очахъ какъ солнечное сіяніе. Такъ, мое дитя! сказалъ ей Дафнисъ; мой родитель часто напоминалъ мнѣ, что не должно терять терпѣнія и въ самомъ нещастіи. Я также былъ нещастливъ, повторялъ онъ мнѣ; но едва лишь начиналъ я быть великодушнымъ, то уже и чувствовалъ, что я былъ поистиннѣ щастливъ. Такъ, Дафнисъ! отвѣчала она ему; когда мы любили, не имѣя надежды друга друга сыскать, мы были тогда злополучны, и съ какою живностію чувствовали свое

 ща-

щастіе, когда мы соединились. Когда мы почитали себя невѣрными, мы были нещастливы; но сколь мы теперь щастливы по открытіи обмана!

Такимъ образомъ разговаривая, достигли они берега; они еще себя лобызали и Дафнисъ уже вошелъ въ лодку, когда Филлида напоминала ему съ трепетомъ о предосторожности, дабы рѣка его не похитила паки. Она, будучи въ такомъ безпокойствіи, слѣдовала за нимъ своими очами до тѣхъ поръ, покамѣстъ не присталъ онъ къ другому берегу; и тогда она ему повторяла еще нѣкоторыя радостныя слова, на которыя и онъ ей отвѣтствовалъ такимъ же образомъ.

Дафнисъ, перешедши рѣку, увидѣлъ человѣка, передъ ближнею хижиною стоящаго; онъ проливалъ слезы близь того, кому принадлежала хижина. Ахъ! сказалъ онъ, сколь я нещастенъ! я не былъ бы нещастенъ, естьли бы сіе дитя, близъ меня здѣсь играющее на травѣ, не было самому себѣ оставлено. Увы! драгое нещастное дитя! но нѣтъ, ты не злополучно, ты кажешь улыбку, довольно будучи, сидя на травѣ; ты забавляешся игрою, и ты слезъ не проливаешь; когда ты видишь

меня

меня плачущаго, я вижу твою улыбку, дитя мое! я сіе вижу, и проливаю слезы. Ахъ! продолжалъ онъ, я имѣлъ жилище на нижней горѣ; мои древа въ сію весну были обременены цвѣтомъ, дерева моего сада расли при взорѣ ока; но сильные дожди и наводненіе рѣки снесли мою хижину, мои древа и мой садъ, и покрыли иломъ и обломками дикихъ каменей тѣ мѣста, гдѣ процвѣтала надежда моего сохраненія.

Дафнисъ миновалъ сіе мѣсто съ воздыханіемъ. Благословенъ буди человѣкъ, вспомоществующій нещастнымъ! Боги на него призираютъ и посылаютъ свое благословеніе. Но великіе боги! для чего я бѣденъ? Ахъ! взирая на сего злощастнаго, сердце мое снѣдается состраданіемъ и болѣзнію о томъ, что я не въ состояніи сдѣлать ему вспоможенія. Ахъ! я сіе чувствую; такъ, я чувствую, сколько бы я былъ щастливъ, когда бы въ состояніи былъ дать вспоможеніе. Ахъ! для чего я бѣденъ? . . . О боги!

Дафнисъ возвратился оттуда въ свою хижину съ такою же печалію, и едва не забылъ онъ изъяснить старцу, что онъ былъ въ хижинѣ Филлиды, и что они

соединятся брачными узами по прошествіи трехъ дней.

Лишь только солнце первые свои лучи на землю разсыпало, тогда Аристъ былъ уже предъ хижиною на травѣ, покрытой росою; съ своимъ родителемъ вышелъ туда также и Дафнисъ: старецъ просилъ ихъ пройти съ нимъ нѣсколько луговъ; и какъ они за нимъ слѣдовали, то повелъ онъ ихъ на ближній холмъ, съ котораго видѣть было можно всѣ въ округѣ насажденныя древа плодоносныя, которыя осѣняли луговъ зеленые кровы. Тучная трава довольной высоты покрывала малыя бразды, чрезъ которыя протекали источники чистыя воды, падающіе съ холма съ пріятнымъ журчаніемъ, между виноградными растеніями и вѣтвями дикихъ деревъ шелковичныхъ, и луга орошали. Съ одной стороны долины было обработанное поле, простирающееся на довольное разстояніе по поверхности; въ срединѣ той же долины была хижина, предъ которою стояла бесѣдка изъ вѣтвей самбука, покрывающая своею тѣнію изъ дерна сдѣланныя скамьи.

Аристъ, пришедши на сіе мѣсто, обнялъ Аминта и его сына. Любезной другъ, и

и ты мой сынъ! сказалъ онъ имъ; сія хижина, сіи древа и сей холмъ принадлежатъ вамъ; я вамъ все сіе уступаю. Сей холмъ вчера мною купленъ. Я буду жить съ вами, я проведу престарѣлые мои дни въ сей хижинѣ подлѣ сего источника, подъ тѣнію сихъ деревъ, до самой моей смерти, любезныя мои друзья! и до послѣдняго моего дыханія; естьли я умру въ вашихъ обьятіяхъ, погребите меня подъ сими двумя сплетенными древами, гдѣ разцвѣтаютъ сіи лазуревыя лиліи. Удивленіе и неожидаемое щастіе чрезъ долгое время на допускали его выпустить ни одного слова. Ахъ! сказалъ онъ наконецъ, обнимая своего друга; ахъ! любезной другъ! сколь ты великодушенъ! ахъ, съ какою радостію протекутъ престарѣлые дни мои въ твоихъ обьятіяхъ! Но, Дафнисъ! когда мы умремъ, погреби насъ обоихъ вмѣстѣ подъ сими лиліями, и ты и твои потомки пускай нарекутъ древа сіи Аристомъ и Аминтомъ.

Сей нѣжной сынъ приказаніе сіе принялъ въ глубокомъ молчаніи; послѣ того пошли они вмѣстѣ на холмъ, лежащій въ кустарникѣ. Дафнисъ, осматриваясь на всѣ стороны, примѣтилъ оттуда хи-

жину своей Филлиды на другомЪ берегѣ; онЪ прыгалЪ отЪ радости на томЪ мѣстѣ, призывалЪ кЪ себѣ старцовЪ, и имЪ показывалЪ жилище своея пастушки. ОнЪ чрезЪ долгое время примѣчалЪ со вниманіемЪ, что не можно ли ему увидѣть своей Филлиды подЪ зелеными алеями, стоящими предЪ ея хижиною, или сквозь сплетшіяся вѣтви, которыя закрывали ея окошки; но онЪ увидѣть ее не могЪ. Восхитившись своею радостію, онЪ началЪ пѣть громкимЪ голосомЪ, дабы Филлидѣ безЪ труда было можно услышать изЪ хижины, которая хотя не была украшена, но принадлежала имЪ, и притомЪ выгодное имѣла мѣстоположеніе. Восходящее солнце украшало тамЪ бѣлыя стѣны движущимися тѣньми отЪ розЪ и древесныхЪ вѣтвей, которыя играли передЪ окошками. Любезной Аристѣ! возопилЪ онЪ вЪ восхищеніи, и онЪ поспѣшаетЪ лобызать его руку. Послѣ сего обходитЪ онЪ вокругЪ хижины, и вездѣ сыскиваетЪ хорошія древа, которыхЪ вѣтви, наклонившіяся отЪ тяжести плодовЪ до самой травы, которая тамЪ родилась, поддерживаемы были подставами, и сплетшись дерево сЪ деревомЪ, дѣлали сводЪ.

Ахъ, Филлида! какой ты мнѣ не приносишь радости! Мы здѣсь будемъ имѣть наше жилище. Благотворительной Аристъ! возопилъ онъ, и онъ опять возвратился прыгая, дабы облобызать его руку. Аристъ, видя радующихся отца съ сыномъ, чувствуетъ сей восторгъ божественной, которой одни боги и великодушныя чувствуютъ люди. Какое благополучіе видѣть восторги, наполненные благодарностію тѣхъ, которымъ сдѣлали мы благодѣяніе!

Въ то время Дафнисъ съ наполненнымъ радости сердцемъ сошелъ съ холма для провожанія на поля своего маленькаго стада, когда Аристъ съ Аминтомъ для наслажденія пріятностьми восходящаго солнца остались на холмѣ, разговаривая вмѣстѣ. Но Дафнисъ, слѣдуя за своимъ стадомъ, сказалъ самъ себѣ: вотъ, я имѣю холмъ, и хижина опустѣетъ. Великіе боги! вы услышали мои воздыханія, я теперь въ состояніи подать помощь нещастному, котораго я вчера видѣлъ: я буду просить моего родителя, дабы онъ подарилъ ему хижину. Когда онъ сіе говорилъ, тогда онъ соединился съ другими пастушками. Онъ началъ дѣлить

лить съ ними свою радость, и изъяснялъ имъ, что старецъ купилъ ему холмъ, и что бракъ соединитъ его заутра съ Филлидою. Онъ просилъ ихъ всѣхъ на сіе торжество. Боги даруютъ тебѣ щастіе, Дафнисъ! сказали ему всѣ пастухи; ты достоинъ сего жребія; мы будемъ на твою свадьбу и увѣнчаемъ новыми вѣнками; мы принесемъ на оную согласныя флейты и приведемъ съ собою пастушекъ. Послѣ сего начали разговаривать они о будущей забавѣ; они дѣлали опытъ надъ флейтами, и каждой изъ нихъ выбиралъ себѣ пастушку. Полдень насталъ не прежде, какъ уже Дафнисъ отъ нихъ возвратился. Должно мнѣ теперь возвратиться къ Филлидѣ, сказалъ онъ; и пастухи обѣщались быть на его холмѣ при самомъ наступленіи слѣдующаго утра.

Дафнисъ хотѣлъ возвратиться въ прежнюю свою хижину; но онъ въ ней не сыскалъ ни Ариста ни своего родителя. Къ величайшему своему удивленію, вмѣсто оныхъ, нашелъ того нещастнаго, котораго онъ видѣлъ на канунѣ къ себѣ идущаго. Ахъ, Дафнисъ! любезной Дафнисъ! вскричалъ сей человѣкъ проливая источниками слезы; какъ могу возблаго-

дарить вамъ, твоему отцу и тебѣ? Какъ изъясню мою радость и восхищеніе? никакія израженія, ни самыя радостныя мои слезы изъяснить того не въ силахъ. Великій Боже! сколь тотъ щастливъ, руками котораго изливаешь Ты благодѣянія на смертныхъ! Дафнисъ! отецъ твой подарилъ меня симъ шалашомъ и сими рощами. Дафнисъ, съ восхищеніемъ обнявши сего человѣка, сказалъ ему: изъясни мнѣ, скажи мнѣ сію пріятную повѣсть, какимъ образомъ сыскалъ тебя мой родитель? Сего дня, продолжалъ человѣкъ сей, мое малое дитя собирало на холмѣ вашемъ яблоки; приходитъ къ нему внезапно твой родитель, принимаетъ его на свои колѣни и спрашиваетъ: кто былъ его отецъ? Филетасъ, дитя ему отвѣтствовало заикаясь. Гдѣ вашъ шалашъ? Дитя начало плакать, и ему сказало: мы не имѣемъ болѣе ни шалаша, ни рощей, ни садовъ. Тогда Аминтъ приказалъ ему привести меня къ себѣ Дитя сему повинуется; оно скачетъ на землю съ его колѣней, прибѣгаетъ ко мнѣ и приводитъ къ твоему родителю по изъясненіи мною ему моего нещастія. Филетасъ! сказалъ онъ мнѣ, сей шалашъ, стоящій

щій вниву близь луга и рощей, которыя покрываютъ его своею тѣнію, будетъ твоимъ шалашомъ и твоими рощами; я теперь имѣю жилище свое на семъ холмѣ; будь моимъ сосѣдомъ и моимъ другомъ. Я чаялъ слышать гласъ Божій и почиталъ за сонное привидѣніе; я не былъ въ состояніи за сіе воздать благодарности; все, что могъ я сдѣлать, то были мои слезы. Сказавъ сіе, Филетасъ замолчалъ и возвелъ очи свои на небо. Между тѣмъ, когда они такимъ образомъ разговаривали, дитя по своей невинности сидѣлъ на колѣняхъ Дафниса; оно взирало на него съ улыбкою, какъ бы симъ самимъ хотѣло оно оказать предъ нимъ свою благодарность. Живи щастливо, Филетасъ! въ своей хижинѣ, сказалъ ему Дафнисъ; да будутъ плодоносны древа твои! Произнесши сіе, взялъ онъ дитя въ свои объятія, дабы облобызать его, которое маленькою своею рукою касалось его кудрявымъ волосамъ и лицу, для лучшаго пріятства своей усмѣшки.

Дафнисъ разстался съ нимъ, дабы возвратиться на свой холмъ, гдѣ онъ изъяснилъ свое нечаянное восхищеніе, и сколько было его возможности, столько по-

поспѣшалъ переправиться черезъ рѣку; но Филлиды еще не было у источника. Онъ сѣлъ подъ тѣнію ивы; солнечной жаръ и журчаніе источниковъ его усыпили. Но вдругъ пучокъ цвѣтовъ, которой упалъ на его лице, отъ сна пробудилъ его; онъ скоро отворивъ свои глаза, увидѣлъ предъ собою стоящую Филлиду; и какъ она улыбалась, то онъ хотѣлъ для обнятія броситься къ ней на шею, но онъ примѣтилъ себя связаннымъ; онъ старался освободиться, но то было тщетно и только служило сіе къ большему Филлидину смѣху, отъ котораго упалъ пукъ цвѣтовъ изъ ея пазухи. Хитрая дѣвица! сказалъ ей Дафнисъ; подожди, какъ только я освобожусь, то я отомщу тебѣ хорошимъ порядкомъ! Онъ, произнося сіе, смѣялся и обращался съ одной стороны на другую безполезно для своего освобожденія. Между тѣмъ Филлида ему сказала: не мсти мнѣ, Дафнисъ! что я тебя не развязываю; какимъ образомъ мстить ты мнѣ хочешь? Я тебя буду цѣловать, сказалъ онъ, и до тѣхъ поръ не престану, доколѣ лице твое не будетъ подобно румяной розѣ. Нѣтъ, Дафнисъ! отвѣчала она ему, естьли ты не обѣщаешься по проше-

шествіи каждаго часа давать по одному поцѣлую, то я тебя не освобожу. Филлида!.. сказалъ онъ ей, какъ ты требуешь, чтобъ я тебѣ сіе обѣщать могъ? Но видя, что она въ своемъ мнѣніи стоитъ упорно, я не буду цѣловать тебя, сказалъ онъ наконецъ. Услышавъ слова сіи пастушка, его развязала; она сама въ себѣ думала, что онъ не сдержитъ своего слова; но онъ внутренно имѣя намѣреніе отмстить ей, сидѣлъ возлѣ нее не цѣловавши. Не прошло еще нѣсколькихъ минутъ, когда она своею улыбкою сдѣлала знакъ, которой показывалъ, что она желаетъ его поцѣлуя; но онъ сего не учинилъ. Дафнисъ! сказала она ему тогда, я думаю, что уже часъ миновалъ. Миновалъ часъ, сказалъ онъ; ты имѣешь еще время, когда и четверти часа не миновало. Филлида смѣялась съ смущеніемъ и осталась въ ожиданіи. Ахъ! сказала она, теперь уже дѣйствительно прошло назначенное время! Ты ошибаешься, Филлида! отвѣчалъ онъ ей; едва ли прошла и половина онаго. На сей случай Дафнисъ ты уже отмстилъ довольно, сказала ему Филлида; не съ трудомъ ли ты сносишь лишая меня поцѣлуя? По произнесеніи словъ сихъ, она ки-

кинулась въ его объятія; она приложила свою щеку къ его устамъ, и взирала на него съ слабымъ видомъ, которой не могъ однакожъ препятствовать смѣяться. Дафнисъ, заключивши ее въ свои объятія, пустилъ тучу поцѣлуевъ на ея щеки.

Филлида! сказалъ онъ ей, всегда прерывая слова свои поцѣлуями; Филлида! сколь великаго труда стоило мнѣ сіе мщеніе! Когда вопрошали меня о моемъ стадѣ, я всегда на сіе отвѣтствовалъ вскорости: то какъ я тебя, дорогая Филлида, не увѣдомлю? Престарѣлой Аристъ купилъ мнѣ пространной холмъ, которой произращаетъ траву выше моего пояса, и рощи деревъ плодоносныхъ съ пространнымъ шалашомъ и источникомъ. Ахъ, Филлида! сколь пріятно намъ будетъ взирать на овецъ, скрывающихся въ густой сей травѣ около холма нашего! а между тѣмъ я заниматься буду въ рощахъ, а ты въ садахъ, или подъ тѣнію деревъ, воздавать благодарность богамъ. Дафнисъ, дорогой Дафнисъ! отвѣчала она ему, наполнившись нѣжнѣйшими чувствованіями, и прижавши его къ бѣлой своей груди; ахъ! сколь мы щастливы! Справедливо сіе, что я бы и въ

самой бѣдности, въ маленькой хижинѣ, близкой къ паденію, была щастлива; или въ пустомъ лѣсу: я бы тамъ нарвала цвѣтовъ съ дикой травы, а вмѣсто благовонныхъ розъ я бы сыскала лѣсныхъ плодовъ и травяныхъ корней. Но боги даровали сверьхъ сего выгоду и изобиліе. Ахъ! сколь восхищаетъ меня наше щастіе!

Приди, любезная Филлида! сказалъ онъ ей, поднимая ее за руку и лобызая; пойдемъ мы на холмъ, гдѣ растутъ сіи благоуханные цитроны: можетъ быть мы увидимъ оттолѣ и нашъ холмъ. По семъ пошли они и въ самомъ дѣлѣ. Находясь подъ тѣнію многолиственныхъ цитронныхъ деревъ, Дафнисъ смотрѣлъ вокругъ себя; по томъ восхищенный радостію возопилъ онъ: Филлида! видишь ли ты тамъ нашъ холмъ, тотъ холмъ, которой я тебѣ показываю перстомъ? Видишь ли сіе множество прекрасныхъ деревъ? . . . Такъ, такъ любезный Дафнисъ! я ихъ вижу, отвѣтствовала она, и притомъ вижу сей источникъ, которой разливаетъ свои воды по злачнымъ травамъ и сквозь кустарники. Я вижу также шалашъ; онъ великъ и хорошъ; съ какою пріятностію древа поверьхъ его сплета-

ютъ

ютъ свои вѣтви! такъ точно, какъ пляшущіе даютъ себѣ взаимно руки и подъемлютъ оныя, дабы пробѣгала сквозь нихъ младая дѣвица, или пригожій отрокъ. Я вижу также предъ шалашомъ долгую изъ зеленыхъ вѣтвей сплетенную бѣседку. Ахъ, любезный Дафнисъ! обними меня; сколь мы будемъ щастливы! Я уже вижу, уже чувствую радость, что я буду нѣкогда нѣжною матерью; представляется уже мнѣ, что я забавляюсь въ то время съ своимъ младенцемъ, смѣющимся на моихъ колѣняхъ, когда другіе около насъ на травѣ рѣзвятся и играютъ съ цвѣтами, или скачутъ на травѣ въ срединѣ ягнятъ, равную величину съ ними имѣющихъ. Ахъ! какая сладкая надежда! Но, Дафнисъ! кто есть сей, котораго я вижу? По смотри, не теряя времени, кто сей есть тамъ, которой изходитъ изъ сѣни, покрытой сѣдинами, и путь свой направляетъ въ кустарникъ? О Филлида! сей есть Аристъ, отвѣтствовалъ ей Дафнисъ. Ахъ! Аристъ? возопила пастушка, вся восхитившись отъ радости; любезной Аристъ! истинной нашъ родитель!

Любезное дитя! сказалъ ей тогда Дафнисъ, сѣдши между вѣтвями цитронныхъ деревъ, и взявши ее подъ руку; любезное дитя! сколь я щастливъ! ты меня любишь! такъ, ты меня любишь! твоя одна любовь, она одна, повторяю я, дѣлаетъ меня щастливымъ. Какія радости! какихъ восторговъ не чувствую я съ того времени, какъ я началъ тебя любить? Естьлибъ ты меня не любила; увы! всѣ холмы, всѣ стада, весь свѣтъ не былъ бы въ состояніи учинить меня щастливымъ; но въ твоихъ объятіяхъ, любезное дитя! въ твоихъ объятіяхъ я человѣкъ прещастливѣйшій! Это завтра, что я буду клясться предъ Богомъ любви, что я хочу тебя любить. Ахъ... Филлида! когда мои волосы покроются сѣдиною, когда сердце мое въ послѣдній разъ трепетать будетъ: оно и тогда такою же будетъ наполнено любовію, какою и въ настоящее время. Ахъ, Дафнисъ! дорогой Дафнисъ! сказала Филлида.... и будучи не въ силахъ говорить болѣе, она испустила тяжкіе вздохи и свои щеки къ его щекамъ прижала съ нѣжностію.

Таковы были ихъ восторги; они другъ друга лобызали, не могши произнести ни одного слова. Дафнисъ первой изъ нихъ говорить началъ: Филлида! сказалъ онъ ей, всѣ пастухи и всѣ пастушки веселятся о нашемъ благополучіи; всѣ сіи, которые обитаютъ окрестъ нашея сѣни, обѣщались быть на нашей свадьбѣ, и я ихъ встрѣчу въ нашемъ кустарникѣ. И наши окрестные пастухи и пастушки, сказала Филлида, также обѣщались быть на нашемъ сочетаніи брачномъ. Вотъ какимъ онѣ образомъ разговаривали съ веселостію, зная, что столько усердныхъ людей приняли участіе въ ихъ радости.

Во время ихъ такого разговора наступилъ вечеръ. Дафнисъ поднялся, чтобъ ему перейти рѣку; они сошли съ холма, взявши одинъ другаго за руку. Ахъ! возопилъ Дафиисъ, сколь я восхищенъ буду, когда слѣдующій день наступитъ! какой хорошій пріемъ сему дню я учиню! съ какою радостію, съ какимъ восхищеніемъ!... Лишь только завтра Аврора покажется, дорогая моя Филлида! я буду уже предъ твоею сѣнію. Прежде нежели покажется Аврора, отвѣчала Фил-

лида; такъ, прежде нежели завтра наступитъ Аврора, я буду смотрѣть наполнившись нетерпѣливости чрезъ окошечную рѣшетку, дабы тебя увидѣть идущаго, и лишь только я тебя увижу, сердце мое восхитится! я отъ радости проливать буду слезы, такъ точно, какъ бы я тебя не видала чрезъ долгое время; и при твоемъ встрѣтеніи возглашу я подобно младой ласточкѣ, когда ея мать приноситъ ей въ своемъ носѣ что нибудь для насыщенія. Такъ, сказалъ ей Дафнисъ ее лобызая, я принесу что нибудь насытить твои уста, я принесу тебѣ тысячу поцѣлуевъ.

Они не прежде такимъ образомъ разговаривать перестали, какъ Дафнисъ вошелъ въ лодку.

Конецъ второй Книги.

ДАФ-

ДАФНИСЪ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Они оба проводили ночь въ пріятныхъ сновидѣніяхъ; но лишь только утренняя ласточка, обитающая подъ кровлями домовъ, прилетѣла возвѣстить день, то уже согласіе многихъ флейтъ и пѣніе разныхъ пастушекъ вдругъ разсыпали сновидѣнія Дафниса. Пастухи съ своими пастушками взошли уже вмѣстѣ на холмъ, держа другъ друга за руки, чтобы пѣть какую нибудь пріятную брачную пѣсню предъ сѣнію Дафниса. Дафнисъ въ восхитительномъ восторгѣ встаетъ отъ сна, повторяя многажды: день сей, день мною желаемый, сколько я о тебѣ радуюсь! я о тебѣ радуюсь, о день щастливѣйшій изъ всѣхъ моихъ дней! По сихъ словахъ восхищается духомъ, увидя на главѣ своей вѣнокъ, и имѣя завязанные темнорусые волосы новою лентою; онъ, будучи укра-

шенъ симъ брачнымъ торжествомъ, соединился съ младыми юношами и дѣвицами, которыя принимая его въ свое собраніе, дѣлали радостныя ему восклицанія. Аристъ съ Аминтомъ уже соединились съ ними и радовались, видя собравшихся на бракъ своего сына.

Между тѣмъ, какъ они сошли съ холма, сіи добросердечные старики, восхищены будучи радостію, слѣдовали за ними своими очами. Они поспѣшали перейти рѣку, и лодки, которыя прилично были украшены зелеными вѣтвями, были уже на брегѣ. Они, переѣхавши рѣку, съ пѣніемъ пристали къ другому берегу, гдѣ сыскали они другія подобно украшенныя зеленостію и долгими лентами лодки, которыя ожидали младыхъ дѣвицъ и младыхъ юношь съ другаго берега. Они выходятъ наконецъ изъ лодокъ, привязываютъ ихъ къ берегу и идутъ съ него съ пѣніемъ къ Филлидиной сѣни, гдѣ находилось уже великое множество младыхъ дѣвицъ и младыхъ юношей сошедшихся. Но Дафнисъ, оставя ихъ, вошелъ въ сѣнь Филлиды, гдѣ она его для щастливаго прихода цѣловала тысящекратно.

Въ сіе время пастушки и пастухи, стоя предъ сѣнію, пѣли и ихъ ожидали. Одинъ молодой пастухъ привлекающей красоты, и которой имѣлъ большіе желтовидные и притомъ кудрявые волосы, занялъ между пастухами и пастушками мѣсто предводителя, для провожденія ихъ на другой берегъ съ своею изъ слоновой кости сдѣланною лирою, которую имѣлъ онъ подъ рамомъ; онъ подобился прекрасному Аполлону, когда былъ сей между пастухами; его также многіе почитали сыномъ сего бога младости. Изъ окрестныхъ пастуховъ ни одного равнаго ему ни въ красотѣ, ни въ мудрости не находилось; онъ зналъ втеченіе звѣздъ и силу травъ, и хотя былъ онъ молодъ, однакожъ во всей странѣ той былъ прорицателемъ. Въ сложеніи пѣсенъ никто такъ искусенъ не былъ; все окрестное юношество пѣло новыя пѣсни его сложенія; онъ обыкновенно прославлялъ оными добродѣтель, младость и бога любви. Въ самыхъ храмахъ въ праздничные дни пѣли его же пѣсни. Всякой разъ, когда онъ былъ въ лугахъ при охраненіи своего стада, пастухи и пастушки около его собирались и просили, чтобъ

онъ на своей лирѣ съигралъ какую нибудь пѣсню; и тогда они около его садились подобно агнцамъ, которые для избѣжанія полуденнаго зноя собирались подъ какое нибудь древо, простирающее надъ ними свои вѣтви. Его пѣсни были столь величественны, что всѣ, его окружавшіе, забывали самихъ себя и мнили быть между богами. Природа не обманулась въ томъ, чѣмъ его одарила; ибо онъ былъ искусенъ въ вырѣзываніи на деревѣ статуй, которыя онъ поставлялъ въ храмахъ. Поставленные въ гротѣ Нимфъ зраки, его тщательною рукою вырѣзаны были; имъ же воздвигнутъ зракъ Пана въ сосѣдственномъ лѣсу между превысокими дубами.

Нѣкогда вырѣзалъ онъ Купидона съ такимъ искусствомъ, что можно было узнать сего маленькаго бога по его изображенію, хотя бы онъ былъ безъ стрѣлъ и колчана; по нѣжнымъ усмѣшкамъ и по живому его положенію легко было можно догадаться, что сей отрокъ есть самъ Купидонъ. Онъ поставилъ сіе изображеніе въ бесѣдкѣ своего сада. Въ одинъ день, когда сей пастухъ при лунномъ свѣтѣ любовную въ ней пѣлъ пѣсню, тогда онъ

усла-

услышалъ тихое журчаніе, подобное тому, когда Зефиры играютъ въ древесныхъ вѣтвіяхъ, или когда пчелы жужжатъ летая по цвѣтамъ; притомъ пріятное благовоніе, сладостнѣе благовонія розъ, разлилось во всемъ кустарникѣ. Купидонъ, на сребровидномъ облакѣ, окруженный своими спутниками, которые летали вокругъ его, низшелъ предъ сѣнь пастушескую. Сіи маленькіе божки взлетѣли иные на тонкія древесныя вѣтви, колеблемыя вокругъ сѣни, другіе на цвѣты, подобясь пчеламъ, летающимъ поверьхъ цвѣтовъ.

„Младый юноша! сказалъ Купидонъ, „знай, что мнѣ единственно весь міръ „сооружаетъ олтари и жертвенники, „меня почитаютъ всѣ боги; я учинилъ „Апполлоново между пастухами пребы„ваніе завиднымъ и для самихъ небожи„телей; я изощряю умы, и дѣлаю смерт„ныхъ чувствительнѣе и добродѣтель„нѣе. Сѣдящій на тронѣ Государь столь„ко же меня чтитъ, какъ и пастухъ „живущій на лугахъ. Я возжигаю огнь „въ нечестивцахъ для ихъ наказанія; „но постоянныхъ людей жизнь я дѣлаю „щастливою, изливая имъ самыя возмож-

„ныя

„ныя въ мірѣ пріятности. Я вдыхаю „имъ сладостныя желанія, пріятныя „грусти и восхитительныя томности. „Но весьма мало смертныхъ, которые „столько, какъ ты, меня чтили; я хо„чу учинить тебя щастливымъ, и ни„кто изъ смертныхъ благополучнѣе те„бя не будетъ.„ Такъ сказавши, Купидонъ сокрылся.

Съ сего мгновенія младый пастухъ возъимѣлъ самыя нѣжныя чувствованія; сладостное желаніе видѣть красоту, о которой онъ прежде только воображалъ, вливаетъ въ него пріятную задумчивость. Каждой день, когда птицы возвѣщаютъ наступающее утро, или когда луна начинала уже являться, входилъ онъ въ сѣнь бога любви. Каждой разъ, когда онъ туда приходилъ, видѣлъ новой вѣнецъ на главѣ сего бога. Онъ удивлялся сему случаю, и считалъ его щастливымъ для себя предзнаменованіемъ. Въ одинъ вечеръ, находясь онъ въ сей сѣни и размышляя о сихъ вѣнцахъ, вознамѣрился бодрствовать всю ночь при семъ случаѣ: и въ самой вещи, ждавъ даже до полуночи, услышалъ тихой шумъ; онъ скрылся за статую и увидѣлъ, что

дѣви-

дѣвица кралась сквозь лѣсокъ, которымъ окруженъ былъ его садъ; она съ боязнію устремила свои стопы къ сѣни. Бѣлая одежда развѣвалась вокругъ ее; ея темнорусые волосы вѣяніемъ Зефира колебалась по бѣлой одеждѣ и по открытымъ раменамъ. Она была посредственно высока, подобно Юнонѣ, кромѣ что ея видъ не столь былъ важенъ, и что ея усмѣшки были нѣжнѣе. Она, вшедши въ сѣнь, и съ томностію взирая на статую, Купидонъ! возгласила по томъ, вздыхая тяжко: доколѣ буду я чувствоватъ причиненную тобою грусть? Увы! мое сердце все занято любовію: я воздыхаю, я вяну. Ахъ, Дамонъ! естьли бы ты видѣлъ мои слезы, сіи нѣжныя слезы, которыя текутъ изъ томныхъ моихъ очей: ты бы ихъ съ моихъ ланитъ отеръ своими поцѣлуями, ты бы воздыхая и меня любилъ. Увы! когда я буду въ твоихъ объятіяхъ? и когда я буду щастлива? О Купидонъ! когда я восхвалю тебя уже радостными слезами?

Проговоря сіе, возложила она вѣнецъ на главу Купидона. Дамонъ слушалъ ея рѣчи въ чувствительномъ восторгѣ. Любовь плѣнила его сердце, которое уже

тогда

тогда трепетало; онъ воздохнулъ и съ робостiю вышелъ изъ за статуи, дабы, не говоря ни слова, броситься въ обьятiя прекрасныя дѣвицы. И тогда почувствовалъ, что онъ благополучнѣе всѣхъ смертныхъ. — Таковъ пастухъ былъ вождемъ дѣвицъ и юныхъ отроковъ другаго берега, дабы ихъ вести къ Филлидиной сѣни.

Сколько радостно луга и долины смѣются, срѣтая восходящее изъ за горъ солнце: столько пастухи и пастушки радовались, срѣтая Филлиду изходящую изъ своей сѣни. Дафнисъ велъ ее за руку, и былъ прекрасенъ, какъ младый Бахусъ; онъ усмѣхался подобно богу любви. Мать, восхищена будучи радостiю и усмѣхаяся, какъ самая юность, за ними слѣдовала. По семъ идутъ попарно и входятъ въ приготовленныя лодки, которыхъ было на той рѣкѣ великое множество. Говорятъ, что боги любви летали безпрестанно поверьхъ сихъ лодокъ, и сiе можно было примѣтить по нѣжному листьевъ колебанiю, по сладостному розъ запаху и по другимъ разнымъ нѣжностямъ, которыя играли въ лентахъ и въ цвѣтахъ на выяхъ младыхъ пастушекъ.

Тогда

Тогда переправившись на другой берегъ, каждой пастухъ пожимая руку своей пастушки, помогалъ ей вытти изъ судна. Дафнисъ и Филлида предшествовали имъ на холмъ, съ котораго Аминтъ, исполненъ будучи нѣжной радости, идетъ на встрѣчу Филлидиной матери съ распростертыми объятіями: я тебя поздравляю, говоритъ онъ, пожимая у нее обѣ руки, я тебя поздравляю, о супруга самаго вѣрнѣйшаго моего пріятеля! Ежели благополучные дни опредѣлены нашей старости, да будетъ сюда щастливъ приходъ твой! Между тѣмъ Аристъ поцѣловалъ Филлиду.

Младыя юноши и дѣвицы, взявшись за руки, составили кругъ около олтаря, посвященнаго богу любви, и начали пѣть брачныя пѣсни. Дафнисъ и Филлида стояли предъ олтаремъ. Никогда столь прекрасная и столь нѣжная чета не приносила такой жертвы Купидону. Они были увѣнчаны бѣлыми и румяными розами; цѣпь, изъ разныхъ цвѣтовъ сплетенная, висѣла съ ихъ плечь и собою ихъ опоясала. Дафнисъ имѣлъ въ рукѣ своей голубя, а Филлида голубку. По семъ закалаютъ сіи жертвы, которыя нѣжными своими крыльями ударяютъ по тѣмъ рукамъ,

камъ, которыя ихъ закалали. Филлида, тронутая сожалѣніемъ, вострепетала, когда закололи ея голубку. По совершеніи жертвенныхъ обрядовъ положили жертвы на камень, опредѣленный нарочно для сего употребленія. По томъ излили на нихъ медъ и масло, и покрыли вѣтвіями различныхъ благоуханныхъ деревъ. Каждое подружіе дѣвицъ и отроковъ наконецъ выступаетъ, дабы положить вѣнокъ на сіи жертвы, которые въ скоромъ времени объяты были пламенемъ. Облако пріятнаго запаху простерлось къ небесамъ вкупѣ со гласомъ брачныхъ пѣсней.

„О любовь! пѣли они при играніи свирѣлей, о сладчайшая любовь! коль „утѣшно и сладостно любить и быть „любимымъ! Боги любятся въ лѣсахъ, бо„ги любятся въ рѣчныхъ струяхъ. Нѣж„ной соловей воспѣваетъ тебя чрезъ всю „весеннюю ночь. О любовь! тебѣ все под„властно, тебѣ все подвластно! О нѣж„ный богъ любви!

„Любовь не имѣетъ ли своего сѣмени „и въ малыхъ отрокахъ, которые еще „говорить не умѣютъ, и которые, усмѣ„хаясь, играютъ съ цвѣтами? Любовь „раждается, какъ нѣжный цвѣтъ, въ пер-

„вый

„вый весенній день. О любовь! о нѣжный
„богъ любви!

„Кто не чувствуетъ любви, того
„жизнь подобна свирѣпой зимѣ; кто не
„чувствуетъ любви, тотъ подобенъ ис-
„точнику, текущему безъ всякаго жур-
„чанія; кто не чувствуетъ любви, тотъ
„подобенъ безгласной птицѣ, которая
„не поетъ, и засохшему древу, которое
„никогда не разцвѣтаетъ. О любовь! о
„нѣжный богъ любви!

„Самые цвѣты не пріятнѣе ли изли-
„ваютъ запахъ для всѣхъ любящихся? и
„кристальные источники не съ пріятнѣй-
„шимъ ли протекаютъ журчаніемъ? всѣ
„птицы не наполняютъ ли воздухъ въ
„честь Гименея? О любовь! о нѣжный
„богъ любви!

„Пусть Панъ охраняетъ ваши ста-
„да, пусть Церера и Бахусъ охраняютъ
„ваши плоды; пусть домашніе боги,
„благопріятствуя вамъ, обитаютъ въ ва-
„шихъ хижинахъ! и ты, о Гименей! пла-
„менникомъ своимъ воспламеняй ихъ
„кровь, дабы вѣчно между ими любовь
„не охладѣла. О Гименей! о нѣжный
„брака богъ!„

Между тѣмъ отецъ Дафнисовъ и Аристъ въ честь Пану, покровителю земледѣлія и стадъ, заклали на высотѣ холма овна, увѣнчавъ рога его плющемъ и сосновыми вѣтвями. Мать Филлидина уединясь приносила мольбы богинѣ домостроительства и женскихъ тайнѣ.

Наконецъ они всѣ собрались въ сѣнь, гдѣ мать Филлидина пріуготовила столъ съ различными и вкусными мясами и плодами, и притомъ цвѣтами украшенный. Они сѣли вокругъ стола. Дафнисъ и Филлида сидѣли посреди, такъ равно, какъ въ соразмѣрномъ вѣнкѣ лилія и розы должны помѣщены быть по срединѣ бѣлаго пастушкина чела. Немедленно пріятныя усмѣшки и забавныя повѣсти, которыя пастухи разказывали сидящимъ близь себя пастушкамъ, сдѣлались утѣхою пирующимъ. Въ скоромъ послѣ того времени всѣ вышли изъ сей сѣни, дабы начать еще игры увеселительнѣйшія. Начали они плясать, составя кругъ и держа другъ друга за руки. Дафнисъ предводительствовалъ пляскою, Филлида заключала кругъ; пляшучи они приближались другъ къ другу и взаимно цѣло-

цѣловались. По томъ, когда заключался кругъ, они плясали. Иногда Дафнисъ и Филлида плясали одни посреди круга, прочіежъ пастушки и пастухи плясали вокругъ ихъ. И тогда лучшіе плясавцы и плясавицы другъ къ другу приближались, дабы плясать какъ жнецы, сѣятели, собиратели винограда; они плясали другъ противъ друга, а прочіе пѣли пѣсни свойственныя жнецамъ, сѣятелямъ, и собирателямъ винограда. Въ круговыхъ оборотахъ младые юноши столь скоро обращали младыхъ дѣвицъ, что бѣлыя одежды развѣвались по воздуху. Утомясь отъ пляски, возвращались они въ сѣнь, дабы прохладиться подъ тѣнію, ѣсть плоды, шутить вмѣстѣ и разсказывать другъ другу забавныя повѣсти.

„Любимый мною пастухъ весьма хорошо въ нѣкоторой день обманулся, говорила одна красавица, держа своего пастуха за подбородокъ; такъ, онъ весьма хорошо обманулся (сіи слова относились къ Филлидѣ). Я ему обѣщалась притти въ рощу въ нѣкоторой назначенной часъ; но бѣдной мой пастухъ долженъ былъ очень долго меня дожидаться;

ся; наконецъ я прибѣжала туда безъ цвѣтовъ, имѣя волосы разтрепанны и цѣпь, изъ цвѣтовъ сплетенную, изорванну ... Такъ, отвѣтствовалъ пастухъ, прервавши ея слова ... Я хотѣла его обнять, продолжала пастушка краснѣя; но онъ удалился. Ахъ, пастухъ! я ему говорила: я ранѣе сего притти не могла. Даметъ, дорогой Даметъ прибѣжалъ ко мнѣ, когда я готовилась съ тобою видѣться; онъ скочилъ мнѣ на колѣни, и рѣзвясь изорвалъ мой вѣнокъ, взялъ съ груди моей цвѣты; я хотѣла его обнять, но онъ убѣжалъ на меня сердяся. Не убѣгай, пастухъ! вскричала я; Даметъ принесетъ мнѣ другихъ цвѣтовъ. При сихъ моихъ словахъ онъ удвоилъ свои шаги, и я смотрѣла вслѣдъ его; я видѣла, какъ онъ билъ ногою въ землю... Такъ, прерываетъ рѣчь ея пастухъ, я тогда былъ гнѣвенъ; жестокая! говорилъ я самъ съ собою, ты мнѣ невѣрна, и можетъ быть давно уже ты меня обманываешь! и въ сіе время, когда уже изъяснила ты мнѣ свои невѣрности, хочешь меня обнять, будто бы не могъ я оскорбиться твоею невѣрностію. Я говорилъ

ворилъ еще много другаго сему подобнаго, и въ гнѣвѣ своемъ бѣгалъ туда и сюда, и бѣгая нашелся близь нее, не знаю самъ какимъ образомъ. Я трепеталъ, я плакалъ отъ досады и гнѣва; но взирая на нее, увидѣлъ я прекраснаго младенца, играющаго на ея колѣняхъ; она съ нимъ играла и клала ему цвѣты на грудь. Видишь ли ты, несправедливой пастухъ! говорила она мнѣ, устремивъ на меня взоръ сколь нѣжный, столь и печальный; видишь ли, что маленькой Даметъ принесъ мнѣ другихъ цвѣтовъ? Ахъ! этотъ ли Даметъ, вскричалъ я съ удивленіемъ, это ли онъ, которой изорвалъ твои цвѣты и вѣнки? Между тѣмъ я стыдился и притомъ радовался, узнавъ свою ошибку... Такъ, говорю я ему, продолжаетъ пастушка, вотъ Даметъ; для чего ты сердишься столько, любезной пастухъ! Но знай, что ничто не будетъ впредь мнѣ препятствіемъ приходить къ тебѣ скоро; я въ томъ тебя увѣряю для того, что медленіе приводитъ тебя въ гнѣвъ. Тогда ты ко мнѣ приближился, пожалъ мою руку, и слезя положилъ твою голову на колѣни. Чѣмъ больше я тебѣ говорила: встань, любез-

ной пастухЪ! я тебя поцѣлую; тѣмЪ больше ты плакалЪ и говорилЪ: нѣтЪ, я не достоинЪ, чтобЪ ты меня цѣловала...„ ТакимЪ образомЪ окончала дѣвица свою повѣсть, и оборотилась кЪ любимому пастуху, чтобЪ его поцѣловать.

АхЪ! сколь пріятно примиряться такимЪ образомЪ! сказала Филлида, цѣлуя Дафниса. ТакЪ, отвѣтствуетЪ ДафнисЪ, такЪ, любезная пастушка! я никогда не былЪ столько восхищенЪ, какЪ примирясь сЪ тобою послѣ Ламонова обману.

„ ВЪ нѣкоторой день обманула меня пастушка, говоритЪ пастухЪ, держа на своихЪ колѣняхЪ любимую красавицу, которая усмѣхалась, слыша его повѣсть. ЛежалЪ я нѣкогда на берегу рѣки, спокойнымЪ наслаждаясь сномЪ, какЪ вдругЪ возбудилЪ меня пріятной голосЪ сими словами: ахЪ, пастухЪ! каждой разЪ, когда ты приходишь на берегЪ сей рѣки, я воздыхаю, видя тебя прохаживающагося, и когда удаляешься сЪ берегу, ничто тогда не можетЪ сравниться сЪ моимЪ сѣтованіемЪ; напротивЪ сколь мнѣ радостно, когда ты здѣсь покоишься! я тогда прихожу и тебя цѣлую; такЪ, я уже не

не могу болѣе скрыть сердечнаго чувствованія; я тебя люблю. Нимфа тебя любитъ; прилично ли, чтобъ я въ томъ признавалась? Такъ, Нимфа сколь прекрасна, столь и млада. Не любишь ли ты ее равно, младый пастухъ? Нѣтъ, Нимфа! отвѣтствую я ей, я не могу тебя любить, я уже люблю пригожую дѣвушку. Но, продолжаетъ Нимфа, естьли бы ты меня видѣлъ, естьли бы видѣлъ мои волосы, развѣваемые по моимъ раменамъ бѣлѣйшимъ снѣга, и по моему стройному стану; естьли бы ты видѣлъ румянецъ моихъ ланитъ, мои уста и голубые глаза: ты бы съ охотою пастушкѣ своей предпочелъ Нимфу. Ахъ! я не могу тебя любить Нимфа! отвѣтствовалъ я ей, и ты не оскорбись за сіе, хотя бы красота твоя подобилась красотѣ Грацій и самой Венеры; я не могу тебя любить; я люблю Клою, и ее не оставлю вѣчно. Я иду отсюда, нещастная Нимфа! я оставляю сей берегъ, и не возвращусь прежде, доколь не погаснетъ твоя ко мнѣ любовь. Ахъ! какъ ты жестокъ! отвѣтствуетъ Нимфа; я тебя буду гнать повсюду; Сатиры по-

 хи-

хитятъ твоихъ овецъ и тебя самаго бросятъ въ рѣку. Увы! отвѣчаю я, хотя бы и Сатиры лишили меня жизни, я не могу любить никого, кромѣ Клои. . . ." Нимфа продолжала еще свои рѣчи: они похитятъ отъ тебя твою Клою, какъ вдругъ ея слова премѣнились въ громкой смѣхъ, и моя Клоя, смѣясь изъ всей мочи, вышла и мнѣ говоритъ: я не могу здѣсь скрываться долѣе, любезной пастухъ!... Возможно ли было мнѣ не смѣяться? ты едва не осердился на Нимфу. Но сколь для меня радостно и пріятно внимать толикіе знаки твоей вѣрности! сказала она ему, обнимая его съ нѣжностію.

Среди сихъ увеселеній вечеръ уже приближился и спокойная луна взошла. Дафнисъ и Филлида всѣхъ пастуховъ и пастушекъ собрали въ свою сѣнь. Дыня, въ зеленой корзинкѣ посреди вѣнковъ и виноградныхъ кистей лежащая, по видимому приглашала къ себѣ гостей и совѣтовала сѣсть за столъ, гдѣ находились также румяныя яблоки и груши. Также въ изобиліи на блюдахъ между цвѣтовъ и благоуханныхъ травъ видимы были гранаты,

финики и всякаго рода плоды, которые пріятствующая приноситъ весна; я говорю о плодахъ, покрытыхъ корою, мягкихъ и твердыхъ; притомъ чаши, наполненныя старымъ и новымъ виномъ, увѣнчанныя плющемъ посвященнымъ Бахусу, возвышались между блюдами.

Едва они сѣли за столъ, то младый Дамонъ, имѣя изъ слоновой кости сдѣланную лиру, и которой прежде вырѣзалъ статую бога любви, приближился къ Дафнису, и подая ему большой кубокъ, прими, говоритъ, прими, любезный другъ! сей кубокъ: я его сдѣлалъ для тебя; онъ будетъ залогомъ нашей дружбу; пусть онъ наполненный виномъ обойдетъ кругомъ столъ, и кто изъ него выпьетъ, тотъ долженъ спѣть пѣсенку. Дафнисъ принялъ сей кубокъ съ радостію, говоря Дамону: я за велико пичитаю твое дружество; и осматривая кубокъ, удивлялся чрезвычайному искусству: тутъ изображенъ былъ веселой Бахусъ, сидящій на колесницѣ, влекомой усмиренными тиграми. Силенъ слѣдовалъ за колесницею съ видомъ показывающимъ удовольствіе. Смѣющіеся Фавны сидящаго его на ослѣ

 под-

поддерживали съ обѣихъ сторонъ. Хоръ, составленный изъ Нимфъ, Сатировъ и Фавновъ, слѣдовалъ за Силеномъ, играя тирсами, раковинами и флейтами, которыя они несли на своихъ плечахъ. Спутники бога любви, разсыпая разные цвѣты, летали поверьхъ сего хора вкругъ вѣнца, которой былъ вырѣзанъ на краю сего кубка. Самъ Купидонъ зрѣлся посреди ихъ; онъ металъ стрѣлы въ груди Нимфъ, изъ которыхъ иныя смѣялись его шуткамъ, другія, убѣжавъ отъ него по видимому, возвращались вторично, чтобъ видѣть, довольно ли онѣ близко находятся, чтобъ могъ Купидонъ ихъ примѣтить и поразить стрѣлами.

Дафнисъ, наполнивъ тогда кубокъ пѣнящимся виномъ, воспѣлъ: „О вино! „коль ты пріятно въ рукахъ моея па„стушки! и когда ты сопровождаемо „бываешь ея лобзаніемъ, я тогда пью „едину радость; ибо поцѣлуй моей лю„безной пастушки исполняетъ сердце „мое радостію. Я насажду при холмѣ „виноградъ священной для Бахуса и для „Купидона, и подъ вѣтвіями его на ко„лѣняхъ пастушки буду благодарить

„Купи-

„ Купидону за мой восторгъ и Бахусу за „ мое веселіе. „

Воспѣвъ такимъ образомъ, подалъ кубокъ Филлидѣ, которая приняла, и усмѣхаясь начала пѣть: „ Роза! мой любезный „ Дафнисъ будетъ тебя срывать, и лобызая меня восхищенный радостію, положитъ тебя на мои перси, дабы ты „ пріятный имѣла запахъ: тогда-то я „ почувствую радость; ибо радостный „ поцѣлуй любезнаго моего пастуха наполнитъ сердце мое веселіемъ. Дражайшій пастухъ! насади виноградъ для Бахуса и для Купидона. Я насажду также розы для любви бога, и въ твоихъ „ объятіяхъ принесу ему благодарность „ за мои восторги. „

Такимъ образомъ кубокъ, переходя изъ рукъ въ руки, умножалъ бодрость, усугублялъ пріятныя усмѣшки и прочія забавы; каждой пѣлъ пѣсни или веселья, или страстныя. Нѣкто молодой пастухъ запѣлъ еще такимъ образомъ: „ Я долженъ былъ любить тебя, нечувствительная и несклонная пастушка! но „ продолжай твою нечувствительность и „ злость! презирай, ежели хочешь, любовь,

„ убѣ-

„ убѣгай меня самаго, естьли ты жела-
„ ешь: для меня нѣтъ нужды; ибо когда
„ изъ чистаго и глубокаго источника по-
„ черпала ты воду для своихъ овецъ, и
„ когда, наклонившись въ него, отняла
„ свое покрывало, я, нещастная! я ви-
„ дѣлъ твою грудь открытую.„

По семъ юная пастушка начала пѣть столь нѣжно, какъ младой жаворонокъ:
„ Нѣтъ, я не буду вѣкъ чувствовать
„ любви; я повторяю то всегда, когда
„ только вижу на древесныхъ вѣтвіяхъ
„ цѣлующихся птичекъ; я говорю тогда:
„ я не буду вѣкъ чувствовать любви.
„ Когда я вижу пастуха, сего пастуха
„ смугловатаго нѣсколько, я тогда гово-
„ рю: пастухъ! я не хочу чувствовать
„ любви. Ахъ! вы прочія дѣвицы, кото-
„ рыя ощущали любовь! скажите мнѣ, не
„ чего мнѣ опасаться, хотя я воздыхаю
„ каждой разъ, когда говорю сему па-
„ стуху: я не желаю любви чувствовать.„

Тогда кубокъ дошелъ уже до рукъ Дамоновыхъ. Дамонъ! возопили тогда всѣ дѣвицы и пастухи, ты равно долженъ намъ спѣть сію пѣсенку; гдѣ твоя лира? Нѣтъ, отвѣтствуетъ онъ, я не хочу играть,

рать, я хочу пѣть безъ лиры, какъ вдругъ одна веселая дѣвушка усмѣхаясь подала ему лиру. Всѣ дѣвицы и пастухи восплескали руками; нѣтъ, ты теперь не отречешься, ты долженъ непремѣнно играть. Онъ принялъ лиру и всталъ; всѣ присутствующіе умолкли, пріуготовляясь къ вниманію пѣсни, и едва слышно было малое колебаніе вѣнковъ. Дамонъ соединилъ тогда голосъ свой съ пріятнымъ тономъ лиры:

„Ощущайте любовь, и пейте радо„стно пастухи и пастушки! пусть серд„ца ваши исполнятся восторговъ, и пусть „веселіе изобразится на челахъ вашихъ „и на розовыхъ ланитахъ! Вѣрьте мнѣ, „юные пастухи: я видѣлъ Бахуса, сего „бога увеселеній, бога всегда пріятнаго; „онъ лежалъ подъ тѣнію въ зеленой сѣ„ни, опершись на великой сосудъ виномъ „наполненной, вкругъ котораго колеба„лись виноградныя вѣтви. И Купидонъ, „опершись одною рукою на колѣно Баху„сово, другою возлагалъ на главу свою „вѣнокъ, сплетенный изъ виноградныхъ „вѣтвей. Упоенные Фавны, не крѣпко „стоя на ногахъ, плясали съ Нимфа-

„ми

„ми, и пляшучи наклонялись, чтобъ „поднять на воздухъ Нимфъ и лобызать ихъ трепещущее сердце, сколько впрочемъ онѣ ни старались имъ противиться. Любовь! говоритъ Бахусъ, о „любовь! безъ тебя вино слабо, и сердце, которое не трепещетъ отъ любви, „есть праздно; и самый нектаръ безъ „тебя, о любовь! также слабъ! Не допусти, чтобъ мое сердце было хотя на „минуту не согрѣваемо тобою; я долженъ чувствовать любовь, дабы чувствовать, что я Бахусъ, богъ любви и „увеселенiй... Бахусъ! отвѣтствуетъ ему „Купидонъ, любезный Бахусъ! сколько „благодарностей я долженъ принесть „изобрѣтенному тобою вину! Ты ободряешь робкаго, ты воспламеняешь любовь уже почти погасшую; любовь, осѣненная тѣнiю бутылокъ, еще вливаетъ „прiятности и въ хладную старость; „равно какъ солнце, когда оно спускается къ вечернему горизонту, ты возобновляешь радости и дѣлаешь прiятнѣйшими поцѣлуи; такъ, я долженъ пить, „чтобъ чувствовать, что Купидонъ богъ „любви и восторговъ... Таковы были раз-

„го-

„говоры сихъ боговъ. Ощущайте любовь, „и пейте радостно пастухи и пастушки! пусть сердца ваши исполняются „восторговъ, и пусть веселіе изобразится на челахъ вашихъ и на розовыхъ ланитахъ!„ Воспѣвъ такимъ образомъ юный Дамонъ, выпилъ кубокъ.

Пастухи и пастушки пребывали чрезъ долгое время столь спокойны, какъ будто бы внимали еще пѣнію. Такимъ образомъ увеселялись они пѣніемъ и напитками до тѣхъ поръ, какъ уже луна взошла высоко. Послѣ сего они оставили сѣнь, и проводили Дафниса и Филлиду въ брачный чертогъ; они скакали, играли на флейтахъ, плясали какъ Бакханки во время собиранія винограду. О Гименей! пѣли они, о сладостный брака богъ!.. Согласный голосъ Дріады слышанъ былъ въ спокойной сѣни, и соловьи на ближнихъ древахъ воспѣвали также пѣсни въ честь Гименею.

КОНЕЦЪ.

Цена . . . 4 р.

1р5к

4

Сiи книги подарие.
И
изданий в прозѣ

рх ξ

1819го Декабря

